

ЛитРес:

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

КРОНА
КОРОЛЕВСКАЯ
ШКОЛА

ПАРИЯ

Александра Плен
Королевская школа.
Часть 1. Пария
Серия «Королевская школа», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65901049
Королевская школа. Часть 1. Пария/ Александра Плен: SelfPub;
Москва; 2022
ISBN 978-5-535-00155-5, 978-5-00155-450-9

Аннотация

Как быть, если в двенадцать лет тебя лишили родителей, выгнали из дома, отобрали титул, земли, богатства, а единственным человеком, приютившим тебя, стала старенькая няня? Что делать, если в шестнадцать тебя уже сватают замуж и не принимают отказа? Единственный выход – бежать. Поступить в королевскую школу, полный курс которой оплатил отец незадолго до смерти. И постараться выжить среди ненависти, унижений, клеветы и притворства. Потому, что назад дороги нет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	55
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Александра Плен

Королевская школа

Часть 1. Пария

Глава 1

– Я приеду, – главное сейчас не расплакаться, – на первых же каникулах приеду.

– Не нужно. – Марта поправила на мне криво завязанный платок и нежно провела ладонью по щеке. – Не беспокойся, у меня все будет хорошо. А ты учись изо всех сил. Это самое важное. Терпи, не вздумай бросать школу. Ты все вы-

держишь. Ты сильная.

Наверное, только любящие глаза Марты, моей бывшей няни, разглядели во мне какую-то мифическую силу. Я же видела только испуганную, неуверенную в себе девчонку. Кто бы знал, как я трусила куда-то уезжать! Но выбора действительно не было.

Я удрученно кивнула и еще раз обняла няню, сильно-сильно прижимая ее к себе, вдыхая родной запах. Женщина слегка отступила, развернула меня и подтолкнула вперед, иначе, наверное, я бы так и не решилась сдвинуться с места. Я медленно поплелась к телеге, оглядываясь назад. Закинула котомку с вещами, сама пристроилась на краешке, все остальное место было завалено мешками с мукой.

До города меня пообещал довести мельник, он сам ехал на ярмарку. Далее – поезд до столицы. Марта рассказывала, что сама школа расположена недалеко от нее, чуть южнее, на самом берегу моря. Занятия должны начаться с первым днем осени. До него оставалась неделя. Надеюсь, успею.

Утро было прохладным. Солнце пока не показалось из-за верхушек деревьев. И пусть на календаре еще лето, в нашем суровом северном краю даже летом иногда трава покрывалась изморозью. Изо всей силы вцепившись в борт телеги, я смотрела на маленькую сгорбленную женщину у покосившейся ограды, кутающуюся в старую потертую шаль. Когда она успела так постареть? Видя Марту каждый день на протяжении всей своей жизни, я и не заметила, как согнулась ее

спина и побелели волосы.

Я сглотнула горький комок, стоявший в горле. Поплачу потом, дорога длинная, время будет. Сейчас я не хотела тратить на слезы даже секунду из отпущенного нам времени. Но в глазах все равно расплывалось, превращая Марту в призрачный туманный силуэт. Мельник щелкнул кнутом, и две огромные тягловые лошади потащили тяжело груженную телегу на юг.

Я смотрела и смотрела на размытый силуэт няни, тающий в предрассветных сумерках, пока глаза не начало печь. Хотелось прыгнуть и побежать обратно изо всех сил. Уткнуться ей в грудь, ощутить ласковые руки на своих плечах. Хотелось остаться здесь, в маленьком глухом хуторе на окраине королевства, где никому не известно, кто я, где живет единственный человек, который меня любит и который дорог мне.

Увы, единственный во всем мире.

Мы с Мартой встали затемно. Точнее, она встала. Я же так и не смогла накануне уснуть. Вещи собраны были еще вчера. Да и «вещи» – громко сказано. Два платья, туфли (вторая и последняя пара обуви – ботинки – была сейчас на мне), старое перешитое пальто Марты, гребень, маленькое полотенце, зубная щетка, смена белья.

Смешно. Я столько раз ездила с родителями в гости к друзьям, в столицу, к морю. И пусть прошло много лет, я прекрасно помню, что мою одежду и игрушки везла отдельная карета, запряженная четверкой лошадей. А сейчас все мои

вещи уместились в холщовую котомку.

Марте пришлось продать козу, чтобы оплатить дорогу. Я отговаривала ее как могла. Одна из двух кормилиц была отдана за то, чтобы я добралась до школы.

– Все равно я уже не могу за ними ухаживать, силы не те, – отвечала няня на мои мольбы не делать этого. И действительно, в последние несколько месяцев козами занималась в основном я. А также огородом, домом, готовкой. Я отказывалась делать какие-то выводы, а на мои вопросы о здоровье Марта всегда отмахивалась. Зато убеждала она со всей страстью.

– Это единственный шанс для тебя вырваться отсюда!

– Зачем мне куда-то «вырваться»? – упрямо не хотела понимать я. – Мне и здесь хорошо. Мы прожили спокойно четыре года и будем жить дальше. Я умею готовить, доить коз, ставить силки на кроликов. Даже если ты не сможешь мне помогать, мы не умрем с голоду.

Марта улыбнулась и тут же глухо закашлялась.

– Это не твое, девочка моя, – хрипло произнесла она погодя. – Сколько ты сможешь скрываться? Меня скоро не станет. В лучшем случае тебя отдадут в жены сыну какого-нибудь пекаря или кузнеца. В худшем... – Она немного помолчала. – Ты знаешь, что будет в худшем.

Конечно я знала. Эти знания вбивала мне Марта на протяжении четырех лет: в худшем меня найдут плохие люди и превратят в рабыню. Запрут в подвале и заставят день и ночь

работать на них.

– Поэтому тебе нужно учиться, – закончила она веско. – Не математике и письму, их ты знаешь. А развивать свои умения. Силу рода, ее защиту. Я не смогу тебя этому научить, как бы ни хотела. Такие знания закрыты для простых людей.

Я угрюмо слушала ее наставления уже, наверное, десятый раз за последний месяц. Подобные разговоры с разными вариациями происходили постоянно, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать лет.

– Твой отец сделал тебе бесценный подарок... – продолжала она, и впервые я улыбнулась. Это сейчас он стал бесценным, а тогда, четыре года назад, мне казалось, что более бесполезного подарка у меня не было никогда.

Я тряслась в телеге, наблюдая за тем, как солнце поднимается из-за леса, и вспоминала свой последний день рождения в кругу семьи. Мне тогда исполнилось двенадцать. И я была жутким, избалованным монстром.

Моя семья купалась в деньгах. У меня было все, чего только можно пожелать. На дни рождения мне уже не знали, что дарить: у меня было несколько игровых комнат с самыми красивыми и дорогими куклами – обычными, заводными, танцующими, маленькими и в полный рост; сотни шелковых, расшитых самоцветами платьиц; горы золотых украшений; своя собственная конюшня с каретами, лошадьми, пони; свой собственный повар, учителя, гувернантки, горнич-

ные и прочее, прочее.

И я была единственным ребенком в семье. Не знаю почему. Мама родила меня в ранней молодости, через год после свадьбы, а потом на все мои просьбы подарить сестричку или братика отвечала, что вот-вот, уже скоро, на следующий день рождения, а потом еще на следующий и так далее, а потом я перестала спрашивать.

Поэтому мама и папа меня нещадно баловали. Я росла в окружении любви, золота и вседозволенности.

Сейчас я со стыдом вспоминаю, как изводила своих нянь и гувернанток. Бедная Марта, натерпелась она со мной. Но была единственной, кто с невозмутимостью и безмятежностью сносил все мои выходки. Разорванные платья, испорченные игрушки, разбросанную еду, разлитые на ковер напитки. Однажды я услышала, как вторая няня сквозь зубы выговаривала ей:

– Как ты терпишь это чудовище?

Я тогда выплеснула ей на платье чай. Он мне показался слишком горячим.

– Она просто маленькая девочка, – ласковым голосом ответила Марта, – и хочет внимания.

– Она хочет розги.

Надо ли говорить, что девушку уволили в тот же день? Я кричала и топала ногами в папином кабинете, пока он не согласился это сделать.

Мои двенадцать отмечали в кругу семьи. Наш последний

совместный праздник. Папа в последнее время постоянно пропадал где-то, я обижалась. Вот и тогда он приехал из столицы буквально на день. Я выпрашивала о подарке, но он загадочно молчал, поясняя, что хочет сделать сюрприз. Я ожидала чего-нибудь необыкновенного, но ничего умного не приходило в голову. Когда золота столько, что с лихвой хватает на самые безумные фантазии, этих самых фантазий и не хватает.

– Я решил подарить тебе полный курс учебы в Королевской школе, – торжественно произнес отец, когда уселись за праздничный стол, и протянул мне плотный свиток с красивой разноцветной печатью.

Я недоуменно уставилась на родителя, собираясь закатить истерику. Это потом я узнала, что стоимость учебы там за пять лет равна стоимости двух, а то и трех доходных поместий или целой флотилии торговых кораблей. Что учатся там самые богатые отпрыски семей нашего королевства. Что все выпускники потом работают на благо страны на самых высоких постах. Но тогда, четыре года назад, я была возмущена и обижена.

Конечно, папа после моих слез задобрил меня еще алмазными заколками, так что я вскоре успокоилась и выбросила этот странный подарок из головы.

Я вспомнила о нем случайно. Когда уже два года жила у Марты. Она учила меня всему, что знала. А знала она немало. Только постоянно сокрушалась, что не может ничего мне

рассказать о моей родовой силе.

– Тебя должен был учить твой отец, – вздыхала она. – И еще, говорят, в Королевской школе есть нужные книги. Там собрана величайшая библиотека.

Тут я про школу и вспомнила. Принимали в нее с шестнадцати лет, но Марта изводила разговорами о том, что мне нужно обязательно туда попасть.

– Марточка, почему я должна ехать в шестнадцать? – наивно улыбалась я еще полгода назад. – Ведь я могу поехать и в семнадцать, и в восемнадцать.

– Потому что тебе нельзя здесь задерживаться, – грозно отвечала она. – Со мной уже разговаривали по поводу твоего замужества. Колай, сын кузнеца, хочет тебя в жены, и Бакан заходил, у него второй сын подросток.

– Да что же им от меня надо?! – воскликнула огорченно я, вспомнив того сыночка. Толстый, прыщавый заносчивый мальчишка. Ему самому было немногим больше пятнадцати. Тот еще женишок. Хотя семья у него богатая. Самая богатая в нашем поселке.

– Ты необычная, Дени, – ответила Марта, – не похожа ни на одну из здешних девушек. А через год-два станешь настоящей красавицей. Да и женятся на хуторах рано, так что в восемнадцать у тебя вполне может быть ребенок, а то и два.

Мне стало неудобно. Я сама еще ребенок, тощая, нескладная, худая. Грудь совсем маленькая, какая из меня невеста?

– Да и вряд ли я проживу еще два-три года, – сказала няня

и закашлялась. Я тут же принялась ее успокаивать, побежала за отваром мяты. Но разговор запомнила. Тем более что Марта не давала его забыть, раз за разом напоминая о школе.

Все упиралось в родовую магию. Мой отец, дед и так далее повелевали металлами. Могли чувствовать их под землей и на земле. Могли вытащить из глубокой шахты на поверхность рудную жилу, могли управлять любым металлическим изделием, будь то железный нож или золотое украшение.

Металл всегда любил меня. Даже без особенных знаний я могла маленькими ручками согнуть толстый прут, распрямить подкову, разорвать надвое цепь. Но вот создавать что-то я была не в состоянии. Для этого нужно знать определенные слова, уметь направлять потоки силы, обращаться к сути металла. Я не знала и не умела.

Какой же я была глупой! Да лучше бы я научилась хоть чему-то путному, чем танцам, этикету или правильной посадке на лошади. Как бы мне сейчас пригодилась пара бытовых заклинаний! Я же к двенадцати годам выучила только одно, и то случайно. Как-то я порвала золотой браслет и прибежала в слезах в папин кабинет. Он улыбнулся, взял цепочку в руки и произнес: «Шибя рото дадо». Цепь опять стала как новая. Я запомнила слова, особо не раздумывая, что они означают. Жаль.

Уже потом, после всего случившегося, я начала тренироваться у Марты в доме. Смогла починить только несколько

медных тазов и погнутую сковороду. Дом у нее был деревянным, забор тоже.

Я так и сяк тасовала три известные мне слова. Когда произносила их по отдельности, ничего не происходило. «Шибарото» и «рото дадо» также не давали никаких результатов. А вот «шиба дадо»... Я держала в руках медную ложку, когда произнесла слова. После этого в руке у меня остались золотисто-розовые гранулы. Медь в чистом виде. Я еще распылила несколько гвоздей, чтобы закрепить результат.

Марта порадовалась моим успехам, но на предложение помочь соседям она резко и категорично ответила:

– Нельзя! Никто не должен знать о том, кто ты на самом деле!

Родовая магия. Сила, заключенная в крови. Марта рассказывала, что она вырождается. Еще сто назад ею владели десять семей королевства, а сейчас осталось всего пять. Эти пять семей каждый житель знал наперечет. Род Зорг, умеющий пробуждать силу земли. Они могут равнять горы и вызывать землетрясения. Род Тург – им подвластны растения. Марта рассказывала, что когда-то на спор один из Тургов за ночь взрастил густой высокий лес, окружив им столицу. Род Горн, передвигающий вещи на расстоянии. Не слишком прибыльное умение, но пригодное для доставки грузов издалека. Род Фарх способен воздействовать на животных. Приручать диких, воспитывать и обучать домашних, даже разговаривать с ними.

И я, последняя из рода Крей – ария Дениза Крей. Хотя сейчас уже не ария. Титул отобрали вместе со всеми деньгами, поместьями, землями. Сейчас я просто герра Дениза Крей. Бедная нищенка, простолюдинка, живущая вместе с бывшей няней в ее покосившемся доме, в глухом поселке у Синих гор, на севере королевства, которым правит Рем Пятнадцатый.

Зорг, Тург, Горн, Фарх и Крей. Их имена знают все. Богатейшие и древнейшие семьи королевства. Семьи, у которых имя рода состоит из четырех букв. Выше лишь королевский род, у него три буквы. По легенде, изначально имена всех родоначальников состояли из четырех букв. И если второй, третий и так далее отпрыски уходили и создавали свою ветвь семьи, к их фамилии добавлялась буква. Таким образом, чем длиннее родовое имя, тем моложе род. Соответственно, чем короче имя, тем старше родословная. Раньше, сотни лет назад, родов было немного и имя рода ценилось на вес золота. Сейчас королевство разрослось так, что уже никто не придерживается этого правила. Лишь носители древней крови, ведущие свою родословную от самих богов, заикленные на своей исключительности, соблюдают устаревшие законы именования.

Были еще семьи, у которых родовая сила исчезла по какой-то причине. Например, у отца или матери она еще есть, а в ребенке не проявилась. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем. Каждая такая потеря становилась серьезным уда-

ром по благополучию нашего королевства, престиж и сила которого как раз и держится на магах. Ведь они живут только у нас, в Альтее.

Марта рассказывала, что подобным образом пропала сила рода королевской ветви. Родовая магия у них была самая... неприятная. Они умели читать эмоции и внушать людям нужные им мысли.

– Неудивительно, что их род стал королевским, – сказала я тогда, – несправедливо использовать магию, чтобы управлять людьми.

Мое высказывание немного опередило слова няни, следом она мне рассказала, что в королевском роду магия пропала очень давно. И прошлый, и нынешний король не обладают ею. Последним, кто ею владел, был то ли Рем Пятый, то ли Седьмой, древняя древность.

Подобным образом исчезла сила Мару повелевать погодой. Пропала сила в роду Хорн – умение видеть истину, ранее им всегда доставалась должность верховного судьи королевства, хотя какой-то из Хорнов и сейчас занимает этот пост. Пропала одна из самых лучших, по моему мнению, сил – сила рода Берг, умение излечивать самые тяжелые болезни, смертельные раны. И так далее. Няня много всего знала, но увы, не все.

– Поэтому тебе и нужно учиться, – постоянно повторяла она, – ты должна уметь защитить себя, потому что больше никому. После школы ты станешь сильной, в измене королю

тебя не обвиняли, значит, тебя не ждет тюрьма, лишь злословие и сплетни. Это пустяк. Переживешь.

Я горестно вздохнула. Совсем даже не пустяк. Марта заметила выражение моего лица и ободряюще похлопала по руке.

– Ты выдержишь, – серьезно продолжала она. – Я сама училась в большом городе. Не в столице, конечно, в соседней Ксении, но и там не любят бедных простолюдинов. Сколько я натерпелась, не передать словами. Но выучилась и стала довольно приличной гувернанткой.

– Почему же ты у нас работала няней? – поинтересовалась я.

– Потому что гувернанток предпочитают молодых, а когда я поступила к вам на службу, мне уже было за пятьдесят. У меня долго не было работы, и я согласилась на предложение вашего управляющего.

– Я безумно рада, что ты согласилась, ты сама лучшая няня на свете!

Марта отмахнулась от моей попытки ее задобрить и продолжила наставления:

– Окончишь школу, поменяешь имя, уедешь из столицы куда-нибудь, да хоть на север, в Бат, найдешь работу. С твоими умениями это не сложно. Устроишься в ювелирную мастерскую или в кузнечную. Будешь много зарабатывать, выйдешь замуж, за кого захочешь...

Я скривилась.

– ...а главное – будешь независима и богата. Твоя сила рода – это золотой колодец, Дени.

Пожалуй, да. Моя сила рода является самой прибыльной, потому что вместе с техническим прогрессом возрос спрос на различные металлы. Именно из-за этого наша семья считалась одной из самых богатых в королевстве.

Мы многое могли себе позволить. Шикарные многолюдные балы каждую неделю, швыряние золота под ноги северянам, кричащую роскошь многочисленных домов, золотые ванны и перчатки, а еще... могли позволить себе попытаться стать во главе королевства. Замыслив страшное: переворот.

Не знаю, зачем папе это было нужно. Хочется верить, что он затеял заговор, погубивший и его, и нас, с какой-то благородной целью: избавить страну от тирана, например. А не просто из-за скуки или тщеславия. Потому что... Потому что тогда мне вообще не во что верить.

* * *

Мельник довез меня до главных ворот – именно там располагался сельский рынок, – попрощался и принялся разгружаться. До центра, где находился вокзал, нужно было топать и топать.

Я неплохо знала город. В прошлом месяце мы с Мартой покупали мне на рынке обувь, а год назад приезжали на тор-

жественное открытие железнодорожного вокзала. Дорогу в наше захолустье проложили совсем недавно – наверное, одной из последних в королевстве. Да и поезд ходил всего один. Он отправлялся в двенадцать дня и ехал до столицы почти четверо суток.

Билет я купила самый дешевый, деньги следовало беречь. Неизвестно, что ждет меня в столице. Конечно, ехать в общем вагоне, сидя на деревянной лавке, то еще удовольствие, но выхода не было. Повезло: мне случайно досталось место у окна. Можно хотя бы прислонить голову к стеклу и подремать. И пусть я не спала прошлую ночь, сонной себя не ощущала. Скорее испуганной.

Я впервые еду так далеко, да еще совсем одна. Как бы было хорошо, если бы со мной смогла поехать Марта!

Я с трудом заглушила пронзившую сердце боль. Дело сделано, теперь только вперед и никаких сожалений.

Точку в наших спорах о поездке поставил тот же Колай. Неделию назад рано утром я несла сметану и сливки семье Рыски, бывшей ученицы Марты, иногда они покупали у нас молочные продукты. Вышедший из-за угла Колай меня сильно испугал, я даже выронила котомку. Сын кузнеца был взрослый, старше меня на три, а то и на четыре года. Высокий, мускулистый, даже можно сказать – красивый. По крайней мере деревенские девчонки сходили по нему с ума. Марта говорила, что он многих попортил. Правда, не объяснила, что это значит. Попортил одежду? Волосы? Лицо?

– Торопишься? – как бы между прочим поинтересовался он, загораживая путь.

Я, признаться, струхнула. Раннее утро, на улице ни души. Мощная фигура парня казалась огромной, особенно по сравнению с моими мелкими пропорциями.

– Да, – пискнула я и попыталась его обойти, подняв с дороги котомку. Колай шагнул вбок, заслоняя проход.

– Не спеши, есть разговор.

Я испуганно прижала к себе сметану, уставившись под ноги.

– Твоя тетка говорила о том, что я хочу на тебе жениться?

По легенде Марта приходилась мне теткой и забрала к себе после того, как мои родители погибли.

– У меня нет приданого, – выдавила я с трудом, упорно не поднимая глаза.

– Я возьму тебя как есть, без приданого.

Какое благородство!

– Мне еще рано замуж, – попыталась зайти с другой стороны.

– По мне, так в самый раз. Все, что надо, выросло, – пробасил Колай и, крепко схватив меня за плечи, прижал к груди.

Его руки были тяжелые как пудовые гири. Я ощутила огромное тело Колая, твердое как камень, и потерялась в крепких объятиях. Макушка даже не доставала ему до подбородка. И как только его губы коснулись виска, я принялась

бешено вырываться. Слезы брызнули из глаз. Он что-то говорил низким утробным голосом, гладил по спине, бокам, опускал руки ниже, откровенно лапая, я же ничего не слышала. Паника накрыла с головой. В конце концов я вырвалась, или он отпустил, не знаю. Бросилась по дороге, прижимая к себе котомку, а вслед мне неслись слова: «Я все равно на тебе женюсь! От меня еще никто не убежал!»

Обратно домой я добиралась огородами, прячась за кустами и заборами. На мой рассказ об утренней встрече Марта только и кивнула:

– Надо ехать, спокойно тебе здесь жить не дадут.

Да. И, самое жуткое, она объяснила, что меня ждет в замужестве, чтобы уж точно испугать до икоты. Рассказала, что становиться женщиной страшно больно, что шестнадцать лет пусть и подходящий возраст для замужества, но не для меня. Крестьянские девушки взрослеют раньше и более выносливые. Я же благородная, мне еще как минимум пару лет нужно добрать. И так далее. Я краснела, бледнела, с ужасом слушая, что меня ждет. Потом няня добавила, что Колай упрямый и не отступится, а она не сможет меня защитить. Решение ехать было принято быстро.

И вот я трясусь в поезде, боясь лишний раз встать в туалет. Иначе могут занять мое место у окна. Котомку с вещами я положила под себя. И мягче, и от воров хоть какая-то защита. Деньги были спрятаны в ботинке. Туда они точно не доберутся. Обувь можно с меня снять только вместе с нога-

ми. Глухую металлическую защелку на щиколотке расстегнуть могла только я сама.

Иногда я засыпала и сквозь сон слышала, как меня легонько ощупывают, пытаюсь найти кошель. Я сразу же просыпалась, но ни разу никого не поймала за руку. Постоянно меняющиеся соседи делали вид, что ничего не происходит.

Может, лучше было бы потратить все деньги и купить билет во второй класс?

– Пирожки! Свежие пирожки! С мясом – три медьки, с картошкой – одна! – в вагон заскочила пухленькая темноволосая женщина с сумкой.

Я подняла руку.

– Два с картошкой, пожалуйста, – произнесла, протягивая крошечные монетки. Голодный желудок с утра бунтовал, требуя хоть какой-то еды.

В дорогу Марта дала мне пирог с капустой и шарик козьего сыра. За два дня от них не осталось и следа. Третий день я питалась яблоками, которыми меня угостила большая шумная семья, ехавшая со мной целый день и вышедшая в Бире. Четвертый пришлось голодать. Только к вечеру мы доехали до Эсту, следующей остановкой был Шалир, столица нашего королевства.

Я страшно устала. Болело все: спина, ноги, голова. Поспать удалось две ночи, и то кое-как. В остальное время народу набивалось столько, что меня, как самую худенькую, сдвигали к окну, почти впечатывая в стекло.

Пирожки я проглотила за секунду и осталась голодной. Спустя некоторое время, смирившись, что ничего больше не достанется, желудок успокоился. Я опять уставилась в окно. Поселков и городков становилось все больше. Сменился и пейзаж, теперь мы чаще ехали по степи, лесочки если и были, то небольшие, низенькие, скорее рощи. Не сравнить с высокими северными деревьями.

В Шалир по расписанию мы должны приехать в полдень, в последний день лета. Затем дорога до школы и... Что дальше? Марта учила меня быть решительной и смелой. Спрашивать, требовать ответа, идти напролом. Я же дочь своего отца, ария Дениза Крей, наследница древнего рода. Но, во-первых, идти напролом совсем не в моем характере, я не такая сильная, как Марта, а во-вторых, мне было страшно. Казалось, моя двенадцатилетняя беззаботная и роскошная жизнь была сном, чудесным и нереальным. А реальность – жесткая деревянная лавка, холщовая котомка с бедными пожитками, пустой голодный желудок и неизвестность впереди.

Глава 2

– Отойди, нищенка, здесь не подают! – гаркнул один из охранников, стоящих у ворот Королевской школы, мельком взглянув на меня.

Я испуганно отшатнулась. И вовремя: в проем как раз въезжала роскошная карета, запряженная воронами. Колесо проехало в дюйме от моих ботинок. Я выпрямилась и сжала

кулачки. Я сильная. Я смогу. И пусть мой внешний вид действительно оставлял желать лучшего, что неудивительно после четырех дней дороги, я задрала нос и высокомерно произнесла:

– Уважаемый, меня зовут герра Дениза Крей, у меня оплачен полный курс учебы в Королевской школе.

– Совсем умом тронулась?! – разозлился тот.

– Проверьте в секретариате. В списках оплативших должно быть мое имя, – невозмутимо продолжила я, изо всех сил сдерживая противную трусливую дрожь. – Не судите по одежде, не придется потом извиняться.

– Да я тебя... – начал было он, но вдруг запнулся.

Я увидела легкое сомнение, проскользнувшее в глазах. А что, если вдруг?.. Один процент из ста. И он испугался. Я стояла со спокойным уверенным видом, пусть и одетая в грязное, пропахшее потом платье, но моя осанка, тонкое лицо с благородными чертами...

– Ладно, схожу, – пробурчал охранник и, уже отходя, прошипел: – Но если ты меня обманула...

Я даже не посмотрела в его сторону. Принялась рассматривать громадное величественное здание, построенное, как мне рассказывала Марта, более трехсот лет назад Ремом Пятым. Высокий металлический забор окружал огромную территорию школы. Кованые ворота с королевским гербом сейчас были распахнуты настежь, за ними – широкая подъездная аллея, ведущая к парадному входу с мраморными ко-

лонами. Чистый, почти белый песок сверкал на солнце, создавая поразительный контраст с темно-красным кирпичом стен.

Школа стояла у самого моря, с одной стороны почти нависая над скалистым обрывом. «Наверное, с верхних этажей открывается великолепный вид», – подумала я. Вдали, внизу, виднелся порт со стоящими на причале многочисленными кораблями. До него было как минимум десяток миль. По широкой дороге в столицу бесконечным потоком везли грузы. Отсюда, с горы, обозы казались крошечными темными песчинками, катящимися по тонкой желтой ленте.

Направление мне показал кучер, к которому я подошла на вокзале.

– Иди в сторону порта – не ошибешься, – произнес он. – Выйдешь через южные ворота, а дальше около пяти миль на запад. Да ты сразу увидишь высокое здание с башенками, на скале. Мимо не пройдешь, – усмехнулся старик и добавил: – А лучше давай я тебя довезу.

Вежливо извинившись, я отказала. Что такое пять миль? Мелочь. Особенно по сравнению с тем, сколько я уже прошла.

Естественно, пять миль в устах кучера для меня превратились в десять. Но я упрямо шла вперед, решительно выспрашивая редких прохожих, не позволяя себе лишний раз задуматься над тщетностью всего, что делаю. Не позволяя возникнуть даже мысли повернуть назад.

Что-то долго нет охранника. Меня захлестнул ледяной страх, тисками сдавил сердце, сковал руки и ноги. А вдруг папа забрал заявление или его потеряли, уничтожили... Что тогда? Что мне делать?

– Извините, герра, – рядом раздался голос мужчины. Я вздрогнула и медленно обернулась, цепляя на лицо маску невозмутимости. – Вас попросили зайти к директору.

– Где находится кабинет? – холодно поинтересовалась я.

– Сразу после входа направо, на первом этаже, – поклонился мужчина и добавил, словно пытаюсь оправдаться в моих глазах: – В школе легко заблудиться, поэтому везде расположены указатели. Идите по ним.

Я кивнула и, с усилием переставляя ноги, направилась по аллее. Первый этап позади. Как же пригодились подсмотренные мной те немногочисленные сцены, которые демонстрировали мама или папа, общаясь в гостиной с неугодными торговцами или раздражающими надоедливymi просителями. У мамы менялся голос, осанка. Вся ее поза выражала презрение. Сейчас я попыталась скопировать ее, и у меня получилось!

– Добрый день, – постучавшись, я приоткрыла дверь, – я Дениза Крей.

За дверью находилась просторная комната без окон, с оббитыми синим бархатом красивыми креслами, расположенными вдоль стен. Наверное, приемная. Напротив входа была еще одна дверь с висевшей в центре медной табличкой «Ди-

ректор Королевской школы арий Китеп». Немолодая женщина в строгом темном платье, сидевшая за столом справа, недоверчиво вытаращила глаза.

– Этого не может быть! – воскликнула она потрясенно.

Я же тяжело вздохнула – опять придется изображать высокомерие и что-то доказывать.

– Пусть девушка зайдет в кабинет, – раздался приглушенный голос. Женщина встrepенулась, подскочила и открыла дверь с табличкой.

Арий Китеп подписывал какие-то бумаги. И бумаг у него было много, стол завален ими полностью. Совсем седой мужчина, с глубокими морщинами, прорезавшими лоб и щеки, кустистыми бровями и нездорового цвета кожей. С первого взгляда я решила, что он очень стар, почти дряхл, но когда директор поднял голову и я встретилаcь с цепким умным взглядом, то поняла, что ошиблась.

Приставка «арий» подразумевала благородную кровь. Передо мной сидел истинный аристократ, и я вежливо присела в реверансе.

– Добрый день, арий.

– Не такой уж и добрый, если я вижу дочь Фредерика Крея на пороге, – хохотнул он, и я почти не обиделась на явную грубость: таким веселым тоном она была произнесена.

Директор пристально рассматривал меня. Я, кажется, покраснела, представив, что он сейчас видит. Простое крестьянское платье с пятнами грязи по подолу, запылившие-

ся ботинки, серая котомка, стянутая обычной веревкой, растрепанные грязные волосы.

– Не ожидал, – наконец произнес он, откинувшись на спинку кресла. – Неужели малютке Дени уже исполнилось шестнадцать?

Я подняла подбородок и сжала губы. Он опять усмехнулся.

– Узнаю этот взгляд. Коронный взгляд Фредерика.

Я встрепенулась. Он знал моего отца? Они были друзьями? Как же мне хотелось расспросить директора о папе! Хоть капельку сведений о нем, о его прошлом! Но нельзя. Отец предатель и изменник, да и не время сейчас.

– Так вы меня возьмете в школу? – голос все-таки дрогнул.

– Я не могу не взять тебя, Фред оплатил полный курс, – ответил арий задумчиво. – Но прими мудрый совет: уезжай. Ты не сможешь здесь учиться. Уезжай туда, где жила. Я дам тебе денег, своего рода компенсацию за отказ. Много денег.

Я на мгновенье задумалась. Далеко ли я уеду с огромной суммой? Несколько медяков я могла запихнуть в ботинок, но больше? И даже если довезу золото до Марты... Вспомнила Колая, его жадные руки, вспомнила слова няни, что без знаний я легкая добыча.

– Я остаюсь, – твердо заявила, – буду учиться. Имею право.

Директор равнодушно пожал плечами. Не знаю, расстроило его мое решение или нет, по лицу ничего нельзя было

разглядеть. Мне показалось, что ему все равно. Одной студенткой больше, одной меньше. Арий встал, стремительно прошел мимо меня и приоткрыл дверь в приемную.

– Мили, оформи девушку.

Женщина неохотно кивнула.

– Оплата за пять лет, полный пансион. – И уже мне: – Прходи, Дениза. Герра Милена все расскажет. Удачи в учебе.

– Спасибо, арий, – прошептала я, глазам почему-то стало горячо.

Директор отмахнулся от моего спасибо, словно от надоедливой мошки, и вернулся к себе. Я подошла к секретарю. Женщина что-то быстро писала в огромной толстой тетради. Вся ее фигура, лицо, даже руки выражали негодование.

– Это, – она протянула золотую круглую брошь, – твой полный пансион. Приколи к платью и не снимай.

– Куда дальше? – Я взяла брошь. Внутри нее были вырезаны какие-то символы, потом рассмотрю.

Секретарь поджала губы, явно собираясь нагрубить. Потом бросила быстрый взгляд в сторону закрытой двери директора и процедила:

– По коридору направо комендантская, покажешь брошь, тебя поселят, выдадут одежду, обувь, план школы. На втором этаже малая библиотека, получишь необходимые учебники и тетради. – Тут она не удержалась и уничижительно фыркнула: – Ты вылетишь отсюда через месяц. Может быть, даже раньше.

Я не обратила внимания на ее слова. Марта предупреждала, что в мой адрес сразу же начнут злословить. Я была к этому готова. Почти.

Подхватив котомку, направилась на выход, стараясь идти степенно и не подпрыгивать от восторга.

Я – студентка! Меня зачислили! Плевать на косые взгляды, сплетни, презрение, следующие пять лет я под защитой школы. Никто не посмеет меня тронуть. Студенты неприкосновенны, так сказала Марта, а ей я верю больше всех на свете.

Комендант не обратил внимания ни на мою фамилию, ни на одежду. Быстро взглянул на брошь, протянул ключ.

– Комната двести десять на четвертом этаже, – произнес он уставшим голосом. – Если что в ней не устроит, обращайтесь ко мне. Одежду и обувь выберите сами, первая дверь по коридору.

Я радостно кивнула и направилась в гардеробную. На широких полках лежали стопки темно-синей формы. Я нашла свой размер, подобрала платье и обувь. Еще полагался плащ, что-то типа мантии в сине-красных цветах школы. Прихватила и его. Подумала и взяла еще один комплект. На всякий случай.

Загрузившись по самую макушку, побежала на четвертый этаж. Открыла ключом дверь с табличкой «210» и замерла в восхищении. Что здесь может не устраивать?!

Апартаменты были великолепны. Маленькая прихожая

вела в небольшую светлую комнату с односпальной кроватью, письменным столом у окна, красивой добротной мебелью из красного дерева. Широкий шкаф, четыре обитых бархатом стула, полки для книг. Пока пустые. Посреди комнаты на полу лежал темно-синий ковер. Такого же цвета шторы украшали окно.

Положив вещи на кровать, я толкнула дверь, ведущую в умывальню. Крошечная ванная, начищенный медный умывальник и... Я застыла в восхищении: у Марты удобства были на улице, я уже и забыла, когда последний раз пользовалась настоящим унитазом.

Я в раю! У меня отдельная, прекрасно обставленная комната. Я даже не подумала, что для тех денег, которые студенты платят за обучение, комната выглядит, пожалуй, бедновато. Просто я так давно не видела красивых вещей, что безумно соскучилась по ним. Соскучилась по мягкой кровати, коврам под ногами, горячей воде, чистой новой одежде из дорогой ткани, льняным простыням.

Через мгновение я уже с остервенением стягивала с себя старое платье. Сейчас же помоюсь и переоденусь. Сил больше не было терпеть грязь и запах пота. Потом за учебниками. И еще нужно найти столовую. Желудок уже даже не возмущался, угрюмо затих и готовился начать переваривать сам себя.

Заплетя мокрые волосы в косу, надев ученическую форму и приколов брошь к воротничку, я вышла в коридор. На-

строение было великолепное. Впервые за многие дни я почувствовала уверенность в будущем.

Здание Королевской школы было построено триста лет назад специально как учебное заведение. Со стороны оно казалось величественным неприступным замком, неприспособленным для комфортной жизни. С толстыми стенами, сторожевыми башнями, крепостной стеной, от которой осталась лишь часть, обращенная к столице. Но внутри было уютно, красиво и практично. Просторные коридоры позволяли даже пятерым студентам идти в ряд, высокие узорчатые окна обеспечивали здание солнечным светом едва ли не лучше огромных хрустальных люстр, свешивающихся с потолка. Широкие лестницы были устланы синими коврами дорожками.

Здесь властвовали богатство, честолюбие и амбиции. Роскошная школа для элиты королевства. Его визитная карточка, величественный монумент доброте и дальновидности королевского рода Ремов.

Правое крыло, смотрящее на море, было отдано под жилые комнаты для студентов и учителей, кроме первого этажа, где находились административные кабинеты.

Левое крыло занимали разнообразные аудитории. В центре – столовая и большая библиотека, которая занимала три

этажа. Гордость школы. Малая библиотека, где выдавали учебный материал, тетради и канцелярию, находилась рядом с комендантской комнатой.

Студентов было немного. То ли уже все приехали и расселились, то ли приедут завтра, к началу занятий. В библиотеке я встретила двоих парней, кажется первокурсников, и, уже идя с учебниками к себе, миленькую девушку с огромным чемоданом, открывавшую ключом двести восьмую комнату.

– Я Фани Лоренсис, первокурсница. Ты тоже новенькая? – сразу же принялась она знакомиться.

Я отметила, что девушка не указала, что она ария, значит, не дворянка. Хотя одета богато и модно. Скорее всего, дочь состоятельного торговца или государственного служащего.

– Дениза, – представилась я. Как же хорошо, что я успела переодеться в форму! – Приехала сегодня утром.

Если девушка и заметила, что я не назвала род, то не стала заострять внимание.

– Дай мне час, чтобы разложить вещи, потом пойдем и поищем столовую вместе, – дружески улыбнулась она, и у меня внутри поселилась призрачная надежда на обретение подруги.

– Конечно. Стукнешь в дверь, когда будешь готова.

Фани действительно оказалась отпрыском богатого купеческого рода. Ее отец торговал специями, имел несколько десятков кораблей и множество магазинов в разных городах

королевства.

Мы быстро нашли по указателям столовую. Наверное, будь я одна, растерялась бы, потому что никогда не сталкивалась с подобной системой питания. Поэтому я тихонько следовала за Фани и делала все то же самое, что и она. Девушка пошла за подносом, я за ней, потом она взяла приборы – я тоже, затем Фани двинулась к длинному проему в стене с выставленными блюдами и начала набирать что-то в тарелку. У меня разбежались глаза. Такого изобилия я не видела давно. Взяла суп с гренками, кашу с изюмом и орехами, крылышко цыпленка, два сладких пирожка и стакан сока.

– А ты молодец, выглядишь худышкой, а аппетит зверский, – весело подшутила надо мной Фани. Сама она ограничилась салатом из каких-то листиков и бледно-розовым компотом.

– Ехала издалека, не успела пообедать, – пояснила я неохотно.

Огромный зал, отданный под столовую, был почти пуст. Я насчитала около десяти ужинающих в одиночестве студентов, наверное все новенькие.

– Ты права, – подтвердила мои предположения Фани, – основная масса со второго по пятый курсы уехала на каникулы и придет либо завтра, либо сегодня поздно вечером. А многие вообще живут в столице и являются лишь на учебу.

– А так можно?

– Конечно! Полный пансион закрепляет за тобой комна-

ту, но жить в ней или нет – твое дело, многие арии считают ниже своего достоинства ночевать в школе, у них есть собственные дома в Шалире.

Мне повезло: Фани была болтушкой и совершенно не комплексовала в присутствии незнакомых, так что я должна была только слушать и в нужных местах поддакивать.

– А у тебя полный на пять лет? – спросила она. Я молча кивнула, и Фани уважительно присвистнула. – А мне папаня только один год оплатил. – Видя мое недоумение, она пояснила: – Сказал, что, если за курс не найду себе здесь жениха, выйду замуж за того, за кого он скажет. Мне уже восемнадцать. Давно пора.

– Э... – Я удивленно уставилась на жаждущую замужества особу.

– Ты думаешь, девушки сюда приехали учиться? – продолжила Фани, понизив голос. – Глупости. Здесь учатся самые богатые парни! Сыновья самых знатных и родовитых семей королевства. Даже на свадебных балах не найдешь столько выгодных партий.

– Свадебных балах? – переспросила я со смешком, слишком странно это звучало.

– Ага, – кивнула подружка, – так называют общественные королевские балы. Они проходят каждый месяц в последних числах. На них съезжаются все, кто хочет найти себе пару. И девушки, и парни. Бывала я на них. Тоска смертная. Куча дебютанток, а молодых людей кот наплакал, выбрать не из

кого.

– И арии там бывают?

– Ты что, совсем деревня? – поразилась Фани моему невежеству. – У арий пары подобраны чуть ли не с рождения. Нужны им эти балы.

– А за год успеешь? – осторожно поинтересовалась я, возвращая разговор в прежнее русло.

– Успею, – твердо заявила Фани. – Даже самый худший здесь все лучше, чем какой-нибудь папин партнер по специям. Ты знаешь, какое папа за меня приданое дает? – похвасталась она. – О-го-го!

С ней было весело и легко. На мгновение даже забылось, что я дочь предателя, казненного за измену. Я мысленно представляла, как день за днем прилежно учусь, общаюсь со студентами, сама рассказываю смешные истории и никто меня не презирает, никто не унижает. Вот было бы здорово.

– А давай с тобой дружить! – предложила Фани, прощаясь в коридоре. – Ты хоть и младше меня, но вроде ничего.

Я заулыбалась и кивнула: «Давай». Мы распрощались довольные друг другом и договорились завтра утром вместе сходить на завтрак.

Вечером я еще раз помыла голову и искупалась. Развесила платья в шкафу, расставила по полкам немногочисленные учебники, приготовила тетради и карандаши.

Фани сказала, что завтра будут лишь вводные лекции, ничего серьезного, и вообще, она не учиться сюда приехала,

поэтому на лекциях будет лишь делать вид, а на самом деле выискивать симпатичного парня, который поведет ее в храм. Папаня специально настаивал на том, чтобы она ночевала в школе, хотя у них огромный особняк в столице, якобы для того, чтобы ничего ее не отвлекало от поисков будущего мужа.

«Смешная она, – подумала я, забираясь под одеяло и с наслаждением растягиваясь на вкусно пахнущей лавандой простыне. И, засыпая, повторяла без конца: – Милостивые божички, пусть все будет хорошо, пусть никто не узнает как можно дольше, пусть...»

* * *

Утром в столовой было гораздо больше народу. Если бы не Фани, которую пришлось ждать почти час, я бы позавтракала раньше, столовая открывалась в семь. Но девушка слезно умоляла ее подождать, и я сидела на стуле, в точно такой же комнате, как у меня, и весело наблюдала, как она прихорашивается перед зеркалом.

– В школе обязывают носить только форму, зато драгоценностей можно навешать сколько угодно, – хихикала она, натягивая на палец очередное кольцо. Уши, шея, запястья и волосы уже переливались и сверкали самоцветами.

Я опять набрала полный поднос еды: кашу, блинчики, блюдец с медом, травяной чай и два воздушных пирожных.

Фани ограничилась чаем с малюсенькой булочкой.

– Я ужасно быстро толстею, – вздохнула девушка, жадно рассматривая мой поднос. – Стоит только понюхать пирожное, тут же прибавляется лишний килограмм. Вот выйду замуж и перестану себя ограничивать.

Представляю, как удивится ее будущий муж, однажды обнаружив в доме пышку вместо стройной симпатичной девушки. Я хмыкнула и решила, что это не мое дело. Принялась за еду, наслаждаясь каждым кусочком. Не скажу, что в доме Марты мы голодали, но пирожных со взбитыми сливками или каши с волосскими орешками у нас, конечно, не было.

Фани отщипывала по крошке от булочки, вертела головой, высматривая потенциальных кавалеров. И было из кого выбирать: народу в столовой с каждой минутой прибавлялось. Большая часть столов уже были заняты. И да – девушек оказалось гораздо меньше, чем парней.

– Вон-вон, смотри, как тебе? – периодически шептала Фани. Я бросала взгляд в сторону, куда она указывала, одобрительно кивала или насмешливо фыркала, когда уж попадался совсем никудышный экземпляр. Мне было неинтересно, гораздо больше увлекал завтрак.

В очередной раз подняв голову, я вдруг встретила глазами с пристально смотревшим на меня парнем, сидевшим за два прохода от нас, у окна. Помимо воли я залюбовалась: парень был поразительно красив. Благородная голубая

кровь проявлялась во всем – в тонких чертах лица, словно вырезанных талантливым скульптором, волевом подбородке с ямочкой, ироничном изгибе губ, ярко-синих выразительных глазах, самоуверенно взирающих на нас, простых смертных, в широких плечах, гордой посадке головы. Темно-синяя форма школы ему несказанно шла, особенно в комплекте с белокурыми волосами. Он сидел за четырехместным столиком вместе с еще одним парнем и двумя девушками.

– Куда ты смотришь? – поинтересовалась Фани, оглядываясь. Я, очнувшись, испуганно опустила голову и принялась ковырять пирожное. – Ну ты даешь, детка! Эти женихи точно не про нас!

Я смущенно кашлянула и перевела глаза на Фани, изо всех сил стараясь смотреть прямо и все еще чувствуя пристальный взгляд.

– Почему? Ты их знаешь? – небрежно спросила, пряча любопытство.

– Кто же их не знает! – хохотнула девушка. – Блондин – арий Хорн, шатен – арий Зорг, два самых влиятельных и благородных студента.

Я на секунду задумалась, вспоминая. Зорг – это род, повелевающий силой земли. Хорн... Род, потерявший силу видеть истину. Значит, его отец – верховный судья, тот, кто подписал моему отцу смертный приговор.

– Зорг на пятом курсе и скоро женится, ждет лишь окончания школы, – продолжала Фани. – Они с арией Сорти с

детства помолвлены, даже учиться поступили вместе. Он с ней не расстанется, так что здесь все глухо. Торус Хорн, – Фани мечтательно вздохнула, – перешел на третий курс. Он самый красивый мужчина в королевстве. За ним бегают все наследницы. Вон одна из них сидит рядом. Так и жаждет нацепить на палец помолвочное кольцо, но пока мимо. Говорят, что в детстве он был помолвлен, но потом семьи Хорнов и Маро рассорились, и он опять один. Теперь арии Нурв пытаются договориться с верховным судьей соединить судьбы их доченьки и наследника Хорнов.

Нурв. Я покопалась в памяти. Очень давно они умели создавать иллюзии. Сила их рода была, скажем так, более развлекательная. Дальние предки служили королевскими шутами. Больше ничего припомнить не удалось.

– Ария Оттана Нурв – та еще стерва, – сказала Фани, слегка понизив голос. – Клянется, что захомутает Торуса еще в этом году.

Я с трудом подавила в себе желание взглянуть в сторону их стола. Девушек я не разглядела.

– Откуда ты всех знаешь?

Фани на меня посмотрела как на несмышленного ребенка.

– Я всю жизнь жила в столице и за последние два года не пропустила ни одного бала, – победно заявила она, – а вот ты из какой дыры приехала? Их фото в каждой маломальской газетенке печатают. Хорн так вообще фигурирует почти во всех скандальных хрониках.

Я даже не успела ничего придумать вразумительного. На стол упала длинная тень, и над моей головой раздался высокомерный голос:

– Как тебя зовут?

Я вздрогнула и подняла голову. Возле нашего стола стоял тот самый блондин, знаменитый арий Торус Хорн, и вблизи он выглядел еще лучше, чем издалека.

– Кто тебе разрешал на меня пялиться?

Сначала я подумала, что он обращается к Фани. Это она привлекательная девушка, с идеальной прической, женственной фигурой и сапфирами в ушах. Но нет – он смотрел прямо на меня, не отрываясь. Я смутилась и с перепугу затараторила:

– Вы тот самый арий Зорг? Сила рода земли? Я столько о вас читала! – стараясь влить в слова побольше восторга, я несла сентиментальную чушь. – Вы волшебник! Умеете управлять землей, скалами. Я и не мечтала, что увижусь с вами когда-нибудь.

С лица блондина сползла нахальная самоуверенность. С каждой моей фразой его все больше перекашивало. Так ему и надо. Пялюсь, понимаете ли! Да я смотрела от силы пару секунд. Кто еще пялился!

– Это я... Я Дарий Зорг, малышка, – весело произнес подошедший парень чуть старше, тот самый шатен, что сидел столиком. Я тут же перевела восторженный взгляд на него, словно позабыв о Хорне.

– О, простите! О вас столько всего говорят, – лепетала я, самозабвенно строя из себя провинциальную дурочку, – вы умеете взывать к почве, делать плодородной даже пустыню. А в прошлом году раздвинули землю, создав длинный водоносный канал, ведущий к засушливым восточным территориям. Настоящий подвиг!

Краем глаза я отметила, как не нравится блондину происходящее, как его коробит от внимания, направленного не на него.

– Ладно, ладно, – поднял руки Зорг, прерывая мой поток восхвалений, – я понял, что ты мной восхищена. Ты первокурсница?

Я кивнула, улыбнувшись. На самом деле если я и преувеличила свои восторги в отношении Зорга, то ненамного. Мое восхищение было искренним. Его род один из немногих, кто преданно и добросовестно служит на благо нашего королевства на протяжении сотен лет. Они не лезли в политику, не занимали высокие государственные посты, не были замечены в скандалах, не пытались свергнуть короля. Они тихо и мирно делали свою работу – возделывали землю, прокладывали каналы, поворачивали вспять реки. Настоящие работяги.

– Не думал, что в школу начали принимать детей, – наконец процедил молчавший до этого блондин. – Сколько тебе лет, деточка?

– Достаточно для поступления, – произнесла я, нехотя пе-

реводя взгляд на ненавистного Хорна, сына человека, отправившего моего отца на казнь.

Красавчик недобро сузил глаза. Я молча смотрела ему в лицо, пытаюсь найти хоть какой-нибудь изъян, но кроме непомерной наглости недостатков не было. Что-то внутри меня, отвечающее за чувство прекрасного, трепетало от эйфории, пока я разглядывала парня. Абсолютно все – волосы, лицо, фигура и рост, – все было идеальным.

«С него бы статуи в храмах лепить», – подумала я отрезанно.

В глазах Хорна мелькнула насмешка, а губы изогнулись от понимающей ухмылки. Я мгновенно очнулась, заставляя себя отвести взгляд. Надеюсь, он не подумал, что я наивная пустоголовая дурочка, одна из его поклонниц?

Увы, посмотрев вокруг, я опечалилась: Фани тоже зачарованно открыла рот и смотрела на Хорна, словно тот сошел с небес к нам, простым смертным.

– Твое имя такая тайна или ты потеряла дар речи от восхищения? – его голос приобрел бархатные нотки. У меня от стыда заалели щеки.

От полного позора спасло прибытие двух красавиц. Темноволосая сразу же собственнически взяла Зорга под руку, наверное та самая Сорти, его невеста. Другая, единственная из всех одетая не в форму, а в красивое расшитое серебряной нитью платье, стоившее, по-моему, как год обучения, окинув нас с Фани пренебрежительным взглядом, заявила:

– Что вы здесь забыли? Здесь нет ничего, достойного нашего, – она выделила это слово, – внимания.

Потом повернулась к Хорну и, томно растягивая слова, промурлыкала:

– Пойдем, дорогой. Мне еще нужно переодеться и зайти к коменданту. В моей комнате дурно пахнет.

Мужчины позволили девушкам их увести. Я облегченно выдохнула: не раскрыли. Разговор вымотал. Ни к чему мне такое внимание. Совершенно ни к чему. Я, конечно, понимала, что рано или поздно все узнают имя моего рода, но хотела еще немного пожить спокойно.

– С ума сойти, – отмерла, наконец, Фани, – я разговаривала с Зоргом и Хорном, невероятно!

«Допустим, не разговаривала, а молчала», – мысленно поправила я ее.

– Подружки не поверят! – продолжала она восторженно. – В первый же день в школе познакомиться с двумя самыми знаменитыми студентами! Нужно рассказать отцу. И маме. И сестрам. Теперь на меня обратят внимание и другие парни. Они же видели, как к нам подошли два ария?

– Может, лучше пойдем на лекцию? – попыталась вразумить я девушку, уныло бросив взгляд на огромные бронзовые часы, висящие над дверью столовой. – Пять минут осталось, а нам еще аудиторию искать.

Мы встали и отнесли подносы.

– Как думаешь, все видели, что мы знакомы с Зоргом и

Хорном? – допытывалась Фани, пока мы шли по коридору, раз в пятый за последнюю пару минут.

– Видели, видели, – успокоила я.

– Значит, мы теперь на особом положении, от кавалеров отбоя не будет?

Я пожала плечами. В плане взаимоотношений с противоположным полом я была дилетантом.

– Или нам нужно их подтолкнуть? Если что, я выбираю первая. Тебе все равно еще рано, можешь немного подождать. И все-таки, почему они к нам подошли?

– Не знаю и знать не хочу, – устало ответила я. От бесконечных вопросов Фани голова шла кругом. Страшно подумать, что будет, когда она действительно начнет с кем-нибудь встречаться.

Мы сели на последнем ряду. Первокурсников было человек сорок. Я пересчитала – пятнадцать девушек и двадцать пять парней.

– Хороший расклад, – прошептала Фани, склонившись к моему уху.

Большая часть студентов казались взрослыми. Лишь я и еще парень, сидящий на первой парте, выглядели как малолетки. Кстати, очень примечательный субъект. Цвет формы немного отличался от всеобщей, сидел он ровно, словно шомпол проглотил, ни с кем не разговаривал, смотрел прямо перед собой, как неживой. Справа от его парты, у стены, замерли двое громадных мужчин, одетых в черное.

– Кто это, там внизу, за первой партой, справа? – в конце концов не удержалась я.

– Бог мой! – воскликнула приглушенно Фани, подскочив на стуле. – С нами будет учиться сам наследник!

– Кто? – решила, что ослышалась.

– Его высочество арий Эдвард Рем, младший сын короля, – пояснила Фани и добавила благоговейно: – Как же мне повезло, я и не представляла, что такое может случиться, ведь он совсем юн, шестнадцать исполнилось в прошлом месяце. Я даже была на балу, посвященном этому событию. Правда, принца так и не увидела. А сейчас мы с ним будем сидеть на одной лекции! Теперь точно все обзавидуются.

Фани затихла, переваривая невероятное событие. Я же трусливо поежилась от внезапного озноба. Как я буду смотреть в глаза его высочеству? Я дочь человека, убившего его старшего брата, пытавшегося убить его отца и захватить трон. Боги! Что за невезение. Сначала эти двое, Зорг и Хорн, удостоили аристократическим вниманием, теперь наследник будет учиться вместе с нами. Многовато событий за одно утро. Осталось только узнать всем, из какого я рода, и день удался.

«Как в воду глядела», – простонала я мысленно, увидев секретаршу директора, входящую в лекционный зал. От нее я уже точно ничего хорошего не ожидала. Почему она меня невзлюбила? Что ей сделал мой отец? Я-то еще не успела...

– Уважаемые студенты. – Герра Милена положила папки

на тумбу и обвела всех пристальным взглядом. – Вводную лекцию должен проводить арий Китеп, но его срочно вызвали во дворец к королю. Я его заменю.

Далее она рассказала о том, кто и как основал школа, какое прекрасное образование она дает, сколько студентов, окончивших ее, стали знаменитыми государственными деятелями, учеными и изобретателями. Странно было слышать эти пафосные слова, так как простые люди здесь не учатся, они просто не могут себе этого позволить. Так где же заслуга самой школы? Сюда изначально поступают лишь богатейшие отпрыски. Они и становятся знаменитыми. Двойные стандарты.

Я слушала, как король благоволит выпускникам и что всем, кто окончит пятый курс, автоматически будет предложен высокий пост.

– Для студентов разработана специальная программа поощрения, – продолжала герра. – Каждый год по итогам экзаменов отбираются лучший студент и лучшая студентка. Они награждаются специальной грамотой и после пятого курса смогут сами выбирать пост из списка предложенных.

Потом напредила, что правила школы висят в каждой комнате на стене. Их должны прочитать и выучить все. Я сделала это еще вчера вечером. Три несчастных пункта. Немного правил для самого знаменитого учебного заведения королевства.

Каждый студент является неприкосновенным. Если он

оплатил курс, то никто не сможет его исключить. Есть только две причины. Первая – если он совершит убийство. Вторая – если он не сдаст две сессии подряд.

Все студенты равны. Все живут в одинаковых комнатах, носят одинаковую форму и питаются в одной столовой. Никому не оказываются аристократические или другие предпочтения. Здесь я скептически улыбнулась. Никто не запретит высокородным унижать тех, у кого нет титула. И этого не изменить. Сильные всегда унижают слабых.

И третье: если студент надумает по каким-либо причинам покинуть школу или будет исключен по своей вине, уплаченные за учебу деньги не возвращаются. Ну, здесь я бы вообще не переживала. Вряд ли я захочу покинуть такое хорошее место.

Да, было еще одно правило, скорее приписка мелким шрифтом: школа закрывается на два летних месяца. Все студенты должны покинуть ее на этот срок.

– А теперь давайте знакомиться.

Я очнулась от раздумий и с опаской уставилась на женщину, стоящую за лекторской тумбой. Приплыли.

Герра Милена раскрыла толстый журнал и принялась называть имена студентов в алфавитном порядке. Названные поднимались. Кто вежливо кланялся, кто не удостоивал общество даже кивком. Я с ужасом ждала, когда назовут мое имя, почти не запоминая тех, кого уже назвали.

– Студентка Дениза Крей.

Я медленно поднялась со скамьи. Обвела взглядом аудиторию. Большинство обернулось, с интересом глядя на новое лицо. Я видела, как интерес в глазах постепенно сменяется подозрением, потом пониманием и потрясением.

Женщина тянула паузу, не спеша назвать следующего студента, специально давая всем время на осознание того, кто я такая.

«Это точно она?» – «Та самая?» – «И как она только посмела?» – «Откуда у нее деньги на школу, ведь их род лишили всего?» – «Дочь изменника...»

Шепотки становились все более громкими, уколы все более болезненными. Заметив, как Фани быстро собирает тетради и пересаживается на соседнюю парту, я гордо вскинула подбородок, обвела зал пристальным взглядом, коротко поклонилась и села на место.

– Арий Натаниель Фархис, – произнесла Милена, еще один студент встал.

Я ничего не видела, в ушах стоял гул, сердце колотилось как ненормальное. Весь мир сейчас для меня сосредоточился на темно-синем вензеле школы, нарисованном на титульном листе тетради.

Не моргая, распахнутыми сухими глазами я бессмысленно таращилась на него, ощущая тот же самый дикий холод и бесконечный страх, какой пережила четыре года назад. Словно это случилось лишь вчера.

После моего дня рождения папа сразу же уехал в столицу. Он возглавлял компанию по строительству железной дороги, что неудивительно, так как металл в его руках был послушным и ласковым. Мы с мамой остались дома. Через месяц пришло сообщение, что папу арестовали за организацию переворота, убийство наследника престола и покушение на короля. Вскоре должен был состояться суд. Мама сразу же собралась и отправилась в столицу. Я со слугами осталась в поместье и принялась ждать новостей.

Не случится ничего плохого, уговаривала я себя. Это какая-то ошибка, недоразумение. Слишком неправдоподобно. Мой прекрасный добрый щедрый отец – и вдруг измена? Убийство?

Наивный самонадеянный ребенок, верящий в чудеса.

Мы сидели как на иголках и могли лишь из газет узнавать новости. На суде папу и еще нескольких человек признали виновными и приговорили к смерти через повешенье. А потом приехала мама...

Она постарела сразу на двадцать лет. От красавицы, которой я восхищалась, не осталось и следа. Бледная кожа, искусанные в кровь губы, трясущиеся руки. Мы со слугами не могли добиться от нее ни слова. Мама молча зашла в свою комнату и больше из нее не выходила.

А еще через неделю в городок прибыл отряд королевских стражников. Они окружили наш замок, согнали всех вниз, в главную гостиную, и зачитали королевский указ. Тогда я узнала, что король лишил нас дворянства, всех поместий и денег. Нам было велено обратиться из дома дословно «в том, что сейчас на них надето».

Нас вышвырнули на улицу вечером. Стояла середина осени, и пусть для настоящих холодов слишком рано, ночью подмораживало, а лужи затянуло тонким хрупким ледком. Я была одета в домашнее бархатное платье и шелковые туфли, которые мгновенно промокли, стоило выйти во двор. Мама же вообще оказалась в пеньюаре и тапочках, так как гвардейцы подняли ее из постели.

Мне было безумно страшно. Я потащила маму в городок за несколько миль от нас, там жила мамина подруга, жена знаменитого ювелира. Она часто приезжала на наши балы, а ее муж с моим папой были хорошими партнерами. Я надеялась, что они нас приютят. Наивная. Они даже не вышли на порог, послали слугу, чтобы тот прогнал нас.

Я повзрослела за один день, точнее, за вечер. Я бегала, стучалась в каждый дом, но никто нам не открыл. Пропали многочисленные друзья папы, куда-то делись торговцы и просители, обивавшие порог нашего дома, не оказалось дома приятелей и просто знакомых, регулярно посещавших наши балы.

Было дико холодно. Я страшно устала, мне хотелось лечь

на землю и заснуть, мама уже так и сделала, мне не хватало сил поднять ее, я могла только тормошить. Она выглядела неживой. Тогда-то нас и нашла Марта.

Она отвела нас к себе. Дом стоял у леса, небольшой, одноэтажный, внутри было пыльно, темно и странно пахло, но, когда мы вошли туда, мне он показался самым уютным на свете. Марта объяснила, что дом долго пустовал, так как она жила вместе с нами в замке, но строение еще крепкое и крыша хорошая. А еще есть печка и немного дров.

Мама угасла быстро. Мы обе простудились, когда бродили по городку в поисках пристанища. Мне через несколько дней стало лучше, помогли нянюшкины отвары и настойки, мама же не желала ничего ни пить, ни есть. Она лежала, уставившись в потолок с открытыми глазами, и молчала. Я плакала, звала ее. Все без толку: она не хотела жить.

Однажды утром она просто не проснулась. Мы похоронили ее на местном кладбище, в первый день последнего месяца осени. Меньше чем за два месяца я потеряла родителей, дом и свою беззаботную богатую жизнь.

И, словно мне было недостаточно горя, через два дня после похорон мамы случилось еще кое-что. Как-то вечером Марта зашла в комнату и заявила, чтобы я собиралась в дорогу. И быстро.

– В городке появились странные люди, – пояснила няня, – они ищут бывших владельцев поместья. Особенно их интересует девочка, дочь казненного Фредерика Крея. Меня пре-

дупредила соседка, она сегодня была на рынке.

Мы покинули городок под покровом ночи, взяв с собой только необходимую одежду и деньги. На севере страны, почти у самых Синих гор, у Марты пустовал маленький старый домик, доставшийся ей от родителей. Скорее всего, он нежилой, сокрушалась Марта виновато, последний раз она была там около пяти лет назад. Но лучшего способа исчезнуть она пока придумать не может.

Дорогу я запомнила плохо. Мы шли пешком, ехали на попутках, ночевали на постоянных дворах, сеновалах, а когда не везло – в лесу, у костра. Была зима, я тяжело заболела. Сказалась первая, не до конца вылеченная простуда, смерть папы и мамы и бесконечный тошнотворный страх, изматывающий хуже любой хвори.

Марта потом мне говорила, что уже и не надеялась, что я поправлюсь. Я не помню, как мы добрались до ее хутора, не помню, как она меня лечила и чем, не помню, когда кончилась та зима. Я слишком долго балансировала между жизнью и смертью, слишком долго пребывала в своих жутких кошмарах, поэтому, когда выздоровела, прежней уже не была.

Глава 3

В столовую я шла под прицелом десятков ненавидящих взглядов, стараясь держать голову прямо и не споткнуться. Ария Дениза Крей, дочь ария Фредерика Крея, ни за что не опустит ее. В моих жилах течет древняя голубая кровь, пусть у меня отобрали родителей, титул, поместья, они не могут отобрать магию повелевать металлами. Не могут отобрать

чувство собственного достоинства.

Аппетита не было совершенно, но я упрямо загрузила поднос вкусами и села за последний столик в углу. Первый день самый тяжелый. Главное – его пережить, дальше будет легче, все привыкнут, новость обо мне не будет казаться такой шокирующей.

Вдруг на мой стол приземлилась свернутая в узел салфетка. Я вскинула голову. За соседним столиком, через проход, нагло улыбался темноволосый юноша, сворачивая вторую. Я испуганно опустила глаза. Мгновение – и с другой стороны прямо в тарелку с супом плюхнулась половина пирожка. Брызги разлетелись по столу и попали на платье. Я сжала зубы. Снаряды все чаще и чаще атаковали мой стол со всех сторон. Салфетки, огрызки яблок, булочки... Я сидела, едва ли не погребенная под горой мусора, словно оплеванная, и изо всех сил старалась не расплакаться.

«Не дождутся! – решила я про себя. – Они ни за что не увидят моих слез!»

Все самое страшное в жизни со мной уже случилось четыре года назад, а эти детские глупые шалости с едой мне как комариный укус.

Гордо задрав нос, я поднялась, отряхнула платье от крошек и грязных салфеток, отнесла поднос на раздачу. Не смотря по сторонам, усердно держа спину ровно, покинула столовую. И уже в своей комнате, заперев дверь на ключ, позволила себе упасть на кровать и разрыдаться. Обиднее

всего несправедливость. Безнаказанная, жестокая, позорная. Почему? За что? Что я сделала? Мстить и жаловаться бессмысленно, остается только смириться...

Неужели я бы выросла такой же? Унижала тех, кто ниже меня по происхождению? Смотрела бы на всех свысока? Делала подлости? Если бы моего отца не арестовали и не казнили, если бы король не лишил нас титула и богатства, я бы стала такой, как они?

«Может быть, – я грустно улыбнулась своему отражению в зеркале, застирывая платье в раковине, – а может, и нет».

Да, я была тем еще чудовищем в детстве. Избалованным и непослушным. Но меня любили родители, я всем сердцем чувствовала их любовь и заботу. Да и папа вырос в богатой знаменитой семье, я не знаю, каким он был в юности, но в зрелом возрасте – справедливым, добрым, внимательным. Значит, и я бы переросла свои капризы. Просто это случилось быстрее, из-за горя.

Уговорив таким образом себя, я более-менее успокоилась. На ужин решила не идти. Еще одного унижения не переживу, да и красные опухшие глаза не дадут соврать, что меня не задает всеобщая ненависть.

Проснулась я рано, оделась в новую форму, так как старая еще не высохла, умылась, почистила зубы. В зеркале отразилось бледное узкое лицо с огромными испуганными глазами. Плюс был один: от слез не осталось и следа. Но нужно что-то делать с затравленным выражением. Нет, смириться я не

собиралась. Если не выйду на завтрак, а потом и на обед, то вскоре умру от голода.

У меня есть два варианта дальнейшего существования. Первый – я сейчас беру себя в руки, выхожу из комнаты, иду в столовую, потом на занятия и учусь изо всех сил. Второй – сдаюсь, бросаю школу. Еду назад на хутор и выхожу замуж за Колая. Терплю его грубые ласки и рожаю ему детей.

Наверное, в моем понимании последнее было самым страшным наказанием. Глаза сверкнули злостью. Я сжала кулаки. Так-то лучше. Пусть только попробуют меня тронуть! Они увидят, на что способна Дениза Крей!

Первая салфетка прилетела справа. Я вскинула глаза – тот же парень, что и вчера. Он стал еще более наглым и самоуверенным. Беснаказанность развращает? Я не стала дожидаться, пока в меня прилетит что-то еще.

Специально производя как можно больше грохота, я встала, отодвинув стул. Зал притих. Я обвела столовую презрительным взглядом. Мимоходом заметила Фани, сидевшую с какими-то студентками, наследника с телохранителями, внимательно наблюдавшего за мной с ничего не выражающим лицом, вчерашнюю четверку ариев со своими девушками на том же месте, у окна. Торус смотрел на меня оценивающе, с легким любопытством.

Я не задержала взгляд ни на одном лице и громко произнесла:

– Мне говорили, что в школе учатся отпрыски самых бла-

городных семей королевства, воспитанные, образованные, с безукоризненными манерами.

Теперь даже те, кто не смотрел на меня, повернули головы.

– Но тем, кого я здесь вижу, больше подходит характеристика свиней. Лишь они разбрасывают еду и сеют грязь вокруг себя.

– Ты кого назвала свиньей?! – воскликнул парень, первым бросивший в меня салфеткой. – Грязная простолюдинка!

Я холодно усмехнулась. Он что, действительно думает, что оскорбил меня, назвав простолюдинкой?

– Вы правильно приняли мои слова на свой счет, герр, – произнесла я, твердо смотря в его наглые глаза. – Ни один простолюдин не будет бросаться едой. Слишком хорошо мы, простолюдины, – я специально выделила это слово, – знаем, как тяжело она добывается. А вот такие, как вы, вполне могут вести себя как свиньи.

Парень разозлился. Он резко вскочил и двинулся в мою сторону. Я уже приготовилась защищаться, нащупывая рукой столовый нож, как вдруг со стороны окна раздался грозный рык:

– Хватит! А ну сел на место!

Я повернула голову: Дарий Зорг встал и грохнул кулаком по столу. На секунду мне показалось, что здание школы содрогнулось. Словно по стенам и полу прошла мелкая дрожь.

– Дениза права, – продолжил он громко, – вы ведете себя

не как благородные арии, а как дикари. Мне стыдно, что в школе происходит подобное. Если я еще раз увижу такую выходку, будете иметь дело со мной.

Зорг сел. Я тоже. Мои руки дрожали так сильно, что я не могла взять вилку. В конце концов, решив, что есть с грязного подноса мне не позволяет воспитание, я отнесла его назад, взяла чистый, поставила на него еще одну тарелку с кашей и отошла на свое место. Все это под прицелами ненавидящих взглядов. Словно ничего не произошло, я принялась не спеша есть, смотря строго в тарелку.

Постепенно столовая пустела. Студенты шли на занятия. Мне тоже было пора, но я все никак не могла решиться встать. На самом деле я страшная трусиха. Смелость и решительность, проявленные мной недавно, совсем не свойственны моему характеру. Это скорее вынужденная мера, вспышка отчаянья. Я всегда была спокойной, тихой и робкой. По крайней мере последние четыре года.

– А ты сообразительная, быстро нашла защитника, хоть и притворяешься робкой мышкой.

Я повернула голову – Торус Хорн опять возвышался над моим столом. На красивом холеном лице застыла насмешливая гримаса.

– Ты во всех сферах такая ловкая и изворотливая?

О чем это он? Я непонимающе нахмурилась.

– Я не прочь проверить твой опыт. – В голубых глазах блеснуло что-то странное, пугающее. – Ты же знаешь, в ка-

кой комнате я живу?

Наконец до меня дошло. Я покраснела от негодования. Хотелось сказать что-то грубое, обидное, оскорбительное, подобное его гнусным словам. Но я подавила гнев, решив, что достойным ответом будет равнодушие, и спокойно ответила:

– Вы куда-то шли, арий Хорн? Вот и идите дальше.

Отвернувшись и начала ровненько складывать на поднос приборы и салфетки, словно важнее этого занятия нет ничего на свете.

Несколько секунд стояла тишина. Потом я услышала тихое:

– Гордая, значит... – Хорн хмыкнул. – В твоём положении гордость – это совершенно лишняя черта характера. Ты могла бы далеко пойти, избавившись от нее.

– Мне далеко не нужно. Предпочитаю оставаться на своём месте.

Я взяла поднос и понесла его на стойку. Хорн что-то проворчал в спину, я не услышала, да и не хотела слышать. И без его слов настроение было вконец испорчено.

После утреннего события меня прекратили явно задирать. Я словно перестала существовать, стала изгоем, неприкасаемой. Но так даже лучше. Ничего не будет мешать учебе, а именно для этого я приехала сюда. Учиться.

Я и училась. В аудиториях всегда садилась за последнюю парту в последнем ряду. Вокруг меня сразу же образовывалась зона отчуждения. Словно одно мое дыхание было заразно.

Лекции и практические занятия по общим предметам проходили вместе с парнями. Кроме них были еще особенные предметы. Для девушек отдельно, для юношей отдельно.

Выяснив это, я удивилась. Что может быть такого секретного, чтобы обучаться отдельно? Но на первом же уроке герра Нарана, учительница домоводства, пояснила:

– Мальчиков обучают военному искусству, их занятия спортом будут более насыщенными, чем ваши. Также в их программу включена более интенсивная верховая езда, владение всеми видами оружия. Вы же освоите азы лекарского искусства, искусство ведения домашнего хозяйства, флористики, рисования, музыки.

– Зачем нам уметь лечить? – воскликнула одна из девиц, по-моему какая-то ария. – У нас столько денег, что мы можем купить любого лекаря, и не одного.

– Пока вы пошлете за лекарем, пока он приедет, пройдет время, – терпеливо пояснила Нарана, – а случаи бывают разные. Вдруг ваш маленький сынишка проглотит шарик или случайно поранится? У вас будет минута, чтобы оказать ему

необходимую помощь. Хорошая жена и мать должна знать и уметь все, не только вести дом и выглядеть красиво, – припечатала она строго, и даже у арии не нашлось возражений.

Профессор Нарана оказалась милой и приятной. На нее хотелось смотреть, ее голос хотелось слушать. Красивое ухоженное лицо, манеры истинной леди, безупречное платье, плавная походка. Именно такой, по моему разумению, должна быть счастливая женщина, домохозяйка, любящая и любимая жена, мать. Не знаю, врожденная ли ее способность нравиться всем или приобретенная за многие годы преподавания, но все первокурсницы восхищались ею, и я не стала исключением.

А главное, узнав мое имя, она даже бровью не повела. Относилась ко мне так же ровно и доброжелательно, как и к другим студентам.

Ее предмет и еще математика стали для меня самыми любимыми.

После первого вводного урока по математике я подошла к профессору Лейбнику и робко поинтересовалась, когда нас будут учить родовой магии. Полный лысоватый мужчина громко расхохотался. Я нахмурилась, собираясь обидеться, но он вытер набежавшие от смеха слезы и добродушно произнес:

– Уважаемая герра Крей, владеющих родовой магией сейчас в школе ровно два человека. Вы и арий Зорг, который учится на последнем курсе. Если вы думаете, что для одной

вас директор организует отдельные лекции, вы ошибаетесь.

– Но как же тогда мне...

Я понуро затихла.

– Са-мо-сто-я-тель-но! – по слогам произнес профессор, подняв указательный палец. – В библиотеке вам выдадут любые книги, берите, изучайте, экспериментируйте, – он опять хохотнул, – только тихонько, чтобы никого не покалечить, а то знаю я вас, молодых магов.

После этих слов я прониклась к профессору математики безграничным уважением.

Остальные учителя были не столь симпатичны. Ботанику и природоведение преподавала аскетичная хмурая женщина, она цедила сквозь зубы и никогда не улыбалась. Географию – молодой мужчина, почему-то сразу же меня невзлюбивший. Ну да ладно, я сама географию не слишком уважаю, так что взаимно. Литературу преподавала пожилая женщина, лебезившая перед ариями и холодно разговаривавшая с остальными, не столь благородными студентами.

Я любила читать, но у нас с Мартой не было книг и купить их мы не могли – не на что, да и негде. Няня постоянно сокрушалась, что мы ничего не взяли, когда убегали, из ее библиотеки, очень хорошей, особенно в плане учебников. Поэтому обучала она меня по памяти.

Физику и химию вел один человек – профессор Руперт Гаарон. С этими предметами у меня сразу наметились большие проблемы, так как Марта со мной ими не занималась.

Но я не была одинока в своем невежестве, так как большинство студентов об этих предметах не имели представления. Профессор заверил, что углубляться в них мы не будем (все облегченно выдохнули), химию и физику будем изучать один год, а потом перейдем к астрономии. А на последних курсах нам предоставят свободу выбора. Кто захочет, начнет изучать физиологию и анатомию, другие, в основном мужчины, навигацию и механику, и так далее.

Уроки мне показались легкими. Две лекции по полтора часа до обеда и два практических занятий по часу после. И все свободны. Большинство студентов уезжали в столицу, где жили у родителей или в собственных домах. Мои окна выходили на порт, поэтому после трех часов пополудни я наблюдала вереницу шикарных карет, выезжающих из школы. Несколько раз даже видела паромобили – новейшее изобретение, мой отец участвовал в разработках, еще когда строил железную дорогу. Они ехали медленно, страшно чадили, но стоили как десяток карет, вместе взятых. Скорее, это был статус, а не удобство.

Как же я теперь радовалась, что Марта не бросила меня учить после того, как мы поселились на хуторе. Иногда, после тяжелого дня на огороде, чистки сарая или дойки коз, я падала без сил, не способная даже умыться. А Марта каждый вечер заходила ко мне в комнату, упорно заставляя решать квадратные уравнения и повторять правила правописания. Зимой, когда работы становилось меньше, мы часами зани-

мались алгеброй и геометрией.

Выходя с няней в лес за хворостом, я перемножала в уме двужначные числа, выкрикивала названия рек, озер и городов королевства, играя с ней в слова. Несколько недель проучившись в Королевской школе, я стала понимать, каким прекрасным учителем была моя бывшая няня, гораздо лучше некоторых профессоров, преподававших здесь.

У нее не было семьи, детей. Я стала ее семьей. Она отдала мне всю себя, без остатка, до самого доньшка, баюкая во время ночных кошмаров, рассказывая сказки, отвлекая от тяжелых воспоминаний. Я так и не сказала ей, что в своем сердце давно называю ее мамой.

Приеду на каникулы и обязательно скажу. А пока решила написать письмо. Не знаю, дойдет ли, но попытаться стоит. После того как открыли железную дорогу, в поселке появилась почта, а наш сосед, регулярно ездящий на базар, забирает все письма для хутора.

Медяков осталось совсем немного, но на одно письмо, думаю, хватит.

Да, еще одна проблема, и очень серьезная: где достать денег? Форму, проживание и питание мне предоставляет школа. Но есть личные нужды: белье, заколки или та же отправка писем. Впереди зима, не думаю, что школа выдаст шарф или варежки.

Я взяла листок и принялась перечислять способы заработка, доступные мне. После часа бесполезного пыhtения над

списком я со вздохом отложила листок. Негусто.

Работу в трактирах я отмела сразу. Вряд ли меня кто-нибудь возьмет, слишком худая и мелкая. А если и возьмут, то сталкиваться с подобными Колаю мужчинами буду довольно часто. Брр. Я вспомнила предупреждение Марты и поежилась.

Смотреть за ребенком? Ночью родители и так дома – получается, только на выходных? Кому понадобится такая странная няня?

Мести улицы? Стоять за прилавком? Я хихикнула: опять же ночью?

Стать компаньонкой старушке? Все не то!

Мне бы что-нибудь несложное, с возможностью работать в выходные, недалеко от школы. Ведь придется ходить пешком.

Я посмотрела в окно. Вдалеке виднелись массивные высокие здания Шалира, окруженные кольцом зелени. Сердце сжалось от боли. Две недели назад, в день приезда, я пробежала столицу насквозь, не смотря по сторонам. Мне было страшно увидеть главную площадь, на которой казнили папу, поэтому в столицу я ни ногой. Я перевела взгляд в сторону моря. Порт. Вот куда мне нужно.

Решив на ближайших же выходных отправиться на разведку, пошла в библиотеку. Пора браться за родовую магию. Чем раньше начну ее изучать, тем лучше.

– Все книги по интересующей вас тематике находятся на стеллаже номер восемь в пятом ряду, – устало и как-то механически произнесла женщина-библиотекарь за стойкой. – Выносить из зала нельзя. Читать только здесь. Соблюдать тишину. Руки чистые?

Почтительно покивав в ответ на все требования герры Виолетты, я отправилась в недра библиотеки. Сколько же здесь книг! Тысячи и тысячи! Высоченные стеллажи почти до потолка заполнены до отказа. Рядом с каждым стояла приставная лестница. Номер восемь найти не составило труда. Только маленький он какой-то. Узкий и невысокий. И по сравнению с другими стеллажами смотрится бедненько. Но все равно, чтобы перечитать даже эти книги, потребуется огромное количество времени.

С чего же начать? Возьму, пожалуй, «Родовая магия. История» и «Основы языка морави. Том первый». Именно на нем говорил папа, когда творил заклинания. Забытый язык магов, обозначающий истинные названия вещей и предметов. Сейчас он никому не нужен. Все логично: нет магов – нет языка.

«История» показалась скучной, какие-то сказки, легенды, похожие на те, которые рассказывала няня на ночь. Тысячи лет назад магии было столько, что чуть ли не все люди

были магами. Они умели управлять огнем, водой, воздухом, предсказывать будущее, читать мысли и прочее, прочее. Я скептически хмыкнула: ну точно какие-то боги, а не простые смертные.

Каждый из магов считал себя сильнее и могущественнее другого, из-за этого происходили частые войны. Они истощили землю и в конце концов поставили людской род на грань вымирания. Тогда боги спустились на землю и увидели, к чему привели их дары людям. Они забрали магию у всех, кроме жителей одного глухого села в горах. Там жил самый миролюбивый и добрый народ, который не участвовал ни в войнах, ни в распрях. Кузнеца звали Крей, пахаря Зорг, знахаря Берг, мирового судью Хорн и так далее...

Я дочитала и отложила книжечку. Слишком сказочно и надумано. Какие-то боги, которых потом никто никогда не видел... Наш народ не слишком религиозен. В королевстве, конечно, есть храмы, но их мало и предназначены они лишь для брачных обрядов. Еще там по праздникам красиво поют и предлагают кушанья бедным. Я лишь однажды попала в храм, в нашем хуторе его не было, Марта возила меня в городок. Вдоль стен там стояли какие-то каменные статуи, украшенные цветами, лиц я не разглядела. Но насчитала около тридцати.

Легенда совершенно не поясняет, куда сейчас девается магия. Боги снова приходили на землю, только мы этого не заметили?

Лучше займусь чем-то более полезным и целесообразным. Я открыла «Основы языка» и принялась переписывать в тетрадку алфавит. Анкр, Берг, Верт, Горн... Крей... И только когда добралась до своей буквы, я догадалась, что алфавит – это почти все названия родов с магией, по крайней мере тех, которые я знаю. И всего букв тридцать две. Что бы это значило? Я отложила догадки на потом.

Далее шли правила правописания. Я так увлеклась, что даже не заметила, как стемнело. Зал почти опустел, я потянулась, разминая ноющие мышцы. Еще немножко – перепису эту главу, и все.

– Привет, – к моему столу подошел Дарий Зорг и уселся напротив.

– Добрый вечер, арий, – искренне заулыбалась я. Мне нравился этот спокойный, уверенный в себе молодой мужчина. Он был не очень красив, с тяжелым подбородком и крупными грубоватыми чертами лица, но всем своим видом выражал такое дружелюбие, честность и открытость, что люди помимо воли проникались к нему доверием. И я была не исключением.

– Принялась за изучение родовой магии? – Он мельком посмотрел на разложенные книги. Я кивнула. – Похвальное решение.

– Я хотела вас поблагодарить за то, что вступились тогда, в столовой, – выдавила я через силу, отводя взгляд. Вспоминать тот эпизод стыдно, но я не могла не выразить благо-

дарность. А так как мы почти не пересекались, то раньше не было возможности.

Дарий отмахнулся, словно ему стало неприятно.

– Не обижайся на них, – ответил он, – они просто избалованные детки и привыкли верить всему, что им скажут.

– Но ведь мой отец действительно организовал заговор против короля и пытался его убить, – тщательно подбирая слова, произнесла я. – Его судили и казнили за измену. Королевский указ напечатали во всех газетах. Их ненависть объяснима.

В глазах Дария мелькнула растерянность. Он молчал, пристально рассматривая свои ногти.

– Не все так однозначно, – в конце концов неохотно выдал он. – Не стоит верить всему, что написано в газетах. Но, боюсь, этот разговор не к месту.

Я поняла, что пора менять тему, больше он мне ничего не скажет. Только вот сердце забилось как сумасшедшее, питая вспыхнувшую надежду. Неужели?.. Боюсь даже предположить, что мой отец невиновен. Ведь я в самом деле ничего не знаю. Знаю лишь то, что папа уехал в столицу, а через месяц его казнили. От мамы я не добилась ни слова. А газеты... Верить им действительно неразумно.

– Сложный язык морави? – простодушно поинтересовалась я. – Как думаете, за какое время я его выучу?

– Совсем не сложный, – улыбнулся Дарий, обрадовавшись вопросу. – Я тот еще бездельник, и то выучил его за три года.

Ты умненькая, тебе понадобится меньше. Тем более до нас дошли не все слова. Большинство утеряно. Эти два тома – почти все, что от него осталось. И еще, – добавил он почти сразу, – советую пока сосредоточиться на контактных формулах.

– А что это?

– Ты же знаешь, что можно воздействовать на предмет, к которому ты прикасаешься, или на тот, который находится на расстоянии?

Я кивнула.

– Так вот. Формулы, позволяющие воздействовать на расстоянии, очень сложные. Нужно знать высшую математику, чтобы их применять. Досконально изучить геометрию, стереометрию, планиметрию. Мгновенно рассчитывать расстояния, трехмерное расположение предмета в пространстве, угол выброса силы и многое другое. – Дарий ухмыльнулся. – Мне проще. Я всегда знаю, где находится земля, чаще всего она у меня под ногами. Мне не нужно так сильно углубляться в математику. А вот для твоей магии она необходима.

Только после его слов я поняла, что делали в кабинете отца множество чертежей с геометрическими расчетами. Как жаль, что он ничего мне не рассказывал о своей работе. Не успел. Сначала считал меня маленькой. А потом его казнили.

– Верх мастерства, – продолжал Дарий, – это вытянуть на поверхность рудную жилу. Крей был виртуозом в этом деле. Мой отец работал с ним. Фредерик тянул жилу, а папа

успокаивал землю. Подобная работа – это всегда насилие над природой, но она очень хорошо оплачивалась. Самое трудное в родовой магии – работать на расстоянии, особенно тогда, когда не видно предмета воздействия. Для этого нужны сложные расчеты.

Было ужасно интересно. Я подперла щеку ладошкой, слушала Дария и вспоминала, как однажды, лет в семь, подглядывала за гостями на балконе. Бал давали в честь дня рождения мамы. Папа подошел к ней, держа в руках золотой слиток. И тут зал замер. Из слитка начал появляться росток, он медленно тянулся ввысь, на стебле распускались листики, вылезали маленькие колючки, а затем... Бутон. Сначала крошечный, он постепенно наливался, разбухал и вдруг раскрылся золотыми лепестками. В руках у папы оказалась немыслимо прекрасная золотая роза. Зал взорвался овациями. Мама даже заплакала от счастья. Это было настоящее чудо.

На следующий день я расспрашивала папу об этом заклинании. Хотелось самой что-нибудь подобное сделать. Но папа только отмахнулся. Сказал, что оно очень сложное. Нужно правильно рассчитать размеры цветка, скорость произрастания соизмеримую с весом слитка. Причем на каждый этап роста есть свои собственные слова и расчеты. Очень сложные расчеты. Чтобы сделать этот цветок, он просидел две недели за чертежами. Только сейчас я начала понимать истинную суть его работы.

– Какая идиллия! – раздался над нашими головами насмешливый голос. Я подняла взгляд и мысленно застонала: к нам пожаловал любимец всех девушек школы, сам арий Торус Хорн. – Твоя невеста заждалась, Дарий. Ты отправился на пять минут занести книгу в библиотеку и пропал на полчаса.

– Ой! – хмыкнул маг земли, вытаскивая из-под полы сюртука небольшую брошюру. – Я и забыл про нее. Сейчас сдам.

Дарий встал и поспешил к библиотекарше. А Хорн уселся лицом ко мне и начал бесцеремонно разглядывать, словно выискивая недостатки. Прошелся по верху скромного форменного платья, скользнул по шее, ушам, рукам, естественно свободным от каких-либо украшений. Я с трудом подавила желание спрятать ладони под стол. Мои коротко подстриженные ноготки не шли ни в какое сравнение с его ухоженными руками с маникюром.

– Оставь Дария в покое, – вяло растягивая слова, произнес он. – Если так нужен покровитель, то у меня есть на примете парочка не очень разборчивых парней. Им сгодится и такая, как ты.

На моем лице не дрогнул ни один мускул, но внутри все задрожало от ярости. Потрясающе красивый парень сидел напротив меня, а я удивлялась, как может такой привлекательный внешне человек быть гнилым внутри? Как уживаются в нем физическая красота и моральное уродство? Разве такое возможно?

Решив, что лучшей реакцией на его слова будет равнодушие, я опустила глаза и принялась как ни в чем не бывало дальше переписывать слова в тетрадку.

– Что это? – Хорн протянул руку и перевернул титульный лист книги, на пальце блеснул вычурный массивный перстень с темным камнем. Пижон, подумала я и ответила, не удержавшись от ехидства:

– Не думаю, что вам это будет интересно, арий.

Я заметила тот момент, когда он прочитал название книги. Его лицо окаменело, губы сжались, превратившись в тонкую полоску. Ага! Я нашла больное место великолепного ария Хорна! Потеря родовой магии предками сказалась на характере не лучшим образом.

– Думаешь, тебе это поможет выбраться наверх? – Хорн небрежно отшвырнул книгу, словно она была заразной. – Ты все равно останешься бедной нищенкой, дочерью убийцы.

– Ну вам-то это не поможет в любом случае, – улыбнулась я торжествующе. Как же приятно дергать хищника за хвост. Раньше не замечала за собой подобных рискованных желаний.

Хорн гневно вскочил, стул с грохотом отлетел в сторону. Студенты, сидевшие в зале, удивленно обернулись.

– Попрошу не ломать мебель! – воскликнула герра Виолетта, приподнявшись за своей стойкой. К нам спешил Дарий, озабоченно переводя взгляд с меня на своего друга.

– Что здесь произошло?

Я невинно пожалала плечами. Хорн же прошипел сквозь зубы:

– Эта девчонка много себе позволяет. Жалкая крестьянка, а гонору как у арии.

– Ну, допустим, не жалкая, – постарался развеять напряженную обстановку Зорг и, не зная, о чем был спор, необдуманно произнес: – У нее есть то, чем не могут похвастаться большинство ариев: родовая магия.

В тишине зала отчетливо послышался скрип зубов. Я смущенно потупилась, надеясь, что мое лицо не слишком явно выражает злорадство.

– Ладно, пойдем, Тор, – произнес Дарий, поднимая валяющийся стул. – Оставь Денизу в покое, ей и так немало досталось в жизни. Поужинаем в «Короне»? – И уже мне, улыбнувшись: – До встречи, Дениза. Учись прилежно.

– До встречи, – эхом прошептала я, провожая взглядом спину уходящего Зорга.

– Даже не мечтай! – вдруг со злостью прошипел Хорн, который по-прежнему стоял рядом. Я с удивлением перевела на него взгляд. – Тебе никогда не удастся заполучить Дария. Они с Сорти помолвлены с десяти лет. Даже если он якшется со всяким сбродом, это ничего не изменит!

Я глубоко вздохнула, отчаянно стараясь выглядеть невозмутимо. «Всякий сброд», значит. Сколько уже было таких вот болезненных уколов и сколько будет...

– Почему ты молчишь?

Да что же он не отцепится никак? Оставьте меня в покое, арий. Я не хочу высокородного внимания, не хочу ни с кем ссориться. Дайте мне спокойно проучиться пять лет и уехать восвояси.

Дарий уже дошел до двери, а Хорн все не двигался, ожидая моего ответа.

– Арий Зорг добрый великодушный человек, – произнесла я ровно. – В отличие от остальных студентов, он единственный, кто знает, что такое настоящее благородство. И если он и обращает на меня внимание, то лишь с бескорыстным желанием помочь и защитить. Я не питаю напрасных надежд в отношении него.

– Надеюсь, ты и дальше будешь так же благоразумна, – презрительно скривил губы Хорн.

Я чувствовала, что чаша моего терпения вот-вот переполнится. Еще немного, и я скажу что-нибудь действительно грубое.

– Тор, сколько можно ждать? – в открытую дверь читального зала заглянул Дарий. Хорн молча развернулся и зашагал к выходу.

– Библиотека закрывается! Всем сдать учебный материал! – громко заявила библиотекарь, и я принялась складывать книги. С этими ариями так и не успела дописать главу.

За неделю я закончила переписывать первый том. По всей комнате были развешены листочки со словами древнего языка. «Анкр» – солнце, «берг» – здоровье, «верт» –

огонь, «горн» – ветер, и так далее. Как и следовало ожидать, «крей» – металл, «зорг» – земля. Все существительные состояли из четырех букв, которые означали буквально следующее: «кром» – слиток, дословно «крей» – металл, «омок» – кусок. «Дадо» – конец, так как «дарт» – смерть, «дона» – жизнь. Глаголы образовывались иначе.

Одиночество в школе не тяготило меня. Я научилась быть незаметной. На завтрак приходила одной из первых, сразу после открытия столовой, в семь утра. Студентов, способных на такой подвиг, почти не было. Так что завтракала я одна. На обед шла самой последней, перед вторым звонком на занятия. Ужинала также перед закрытием столовой. Большинство учеников не ужинали, уезжали в столицу.

Но как я ни пряталась, все же иногда случались проколы. Пусть меня не задирали открыто, помня о предупреждении Зорга, мелкие пакости все же устраивали.

– И где же она пропадала последние четыре года? После того, как Крея казнили и король лишил их род всего, о них больше никто не слышал, – громким шепотом произнес женский голос за спиной, достаточно громко для того, чтобы услышала я, и не только я. Мои плечи напряглись, ожидая гадости. Я почти не разбирала, что кладу на раздаче в тарелку, спеша унести поднос и сесть за столик.

– Бродяжничала? Попрошайничала? – хихикнула еще одна. Не буду оборачиваться. Не буду.

– Может, собой торговала? – предложила третья девица.

– Да кто на нее польстится? Ни фигуры, ни лица. Даже последний матрос побрезгует.

Наконец парень впереди меня освободил проход, и я смогла сбежать. Щеки горели. Болтовню девиц слышали все, кто находился на раздаче. Почти ничего перед собой не видя, я села за крайний столик. Минут десять не могла прийти в себя, бездумно ковыряясь вилкой в салате. Когда сердце более-менее пришло в норму, а в ушах перестало звенеть, я разглядела, что я все-таки ем.

В следующий раз, когда подобное произошло, я была готова. Едва услышав ехидный шепот за спиной, поставила поднос и развернулась. Неприятно кольнуло то, что рядом с тремя девчонками стояла Фани. Я смерила их вызывающим взглядом и произнесла:

– Если кому интересно, где я провела последние года, поясню, дабы избежать лживых домыслов.

Мой твердый звонкий голос разнесся по всей столовой. Я опять в центре внимания, ничего, привыкла. Фани же смущенно отвела глаза.

– Я жила у тети на хуторе у Синих гор. Ее имя Марта Гаруба.

– Откуда мы знаем, что ты не врешь? – фыркнула одна из девиц.

– Ниоткуда, – согласилась я. – Тогда позвольте узнать, откуда вы с таким уверенным видом утверждаете обратное? В школе учат выдумывать небылицы и выдавать их за правду?

Отвернувшись, я взяла свой поднос и пошла к столику. Хватит терпеть. Теперь я не оставлю без внимания ни единого лживого слова, ни единого грязного слуха.

Глава 4

В первый же выходной я отправилась на разведку в порт. Не рискнув выйти через главные ворота, обошла школу со стороны моря, легко раздвинула толстые металлические прутья забора и, выбравшись, выровняла их. Спустилась к воде и пошла вдоль набережной. До этого момента я любовалась морем из окна, сейчас же шла рядом с ним и наслаждалась

каждым вдохом.

Море поразило меня. Словно огромное неповоротливое животное, оно бормотало что-то бессвязное, всхлипывало, сопело, а потом игриво и смешно фыркало, как жеребенок, выплескивая солнечные брызги. Я влюбилась в него сразу и безоговорочно. В терпкий горьковатый запах. В непослушный ветер, играющий с моими волосами. В бесконечную синеву, уходящую за горизонт, вызывающую внутри безотчетное желание уплыть туда, далеко-далеко, забыв обо всем, начать жизнь с чистого листа в краю, где обо мне никто ничего не знает.

Громадные пароходы разгружались в доках. Издалека они казались игрушечными, вблизи же напоминали горы, нависающие над пирсом. Хоть было и раннее утро, в порту бурлила жизнь. Я с жадностью смотрела на кипевшую вокруг работу. Тюки, огромные мешки, ящики, клетки с животными. Бесконечное количество разнообразных грузов складывали на подводы с тягловыми лошадьми и сразу же вывозили из порта. Нескончаемым круглосуточным потоком товары шли в столицу, а оттуда расходились по королевству.

«На это можно смотреть вечно, – мысленно подтолкнула я себя, – но так работу не найдешь». Отвернувшись и направилась к льнувшим друг к другу лачугам. Вскоре трущобы закончились, и мне стали попадаться вполне приличные дома. Таверны, гостиницы, магазины. Все не то. Вот! Я увидела вывеску «Ювелир. Золото почти даром». Золото тоже металл –

может быть, здесь понадобятся мои умения.

– Вряд ли я смогу вам что-нибудь предложить, герра, – скептически произнес владелец лавки, окидывая меня цепким взглядом дельца. Хорошо, что я оделась в форму, да еще и приметный плащ школы наинула. По крайней мере, выглядела прилично.

– Но хоть в чем-то я могу пригодиться? – робко поинтересовалась я. – Мне очень нужна работа. Я из рода Крей.

Немолодой мужчина выглядел респектабельно: одетый в дорогой камзол с серебряными пуговицами, с ухоженными руками и напомаженными волосами, он имел вид состоятельного коммерсанта. Но почему-то мне было неуютно рядом с ним.

– Из рода Крей? Сила рода – металл?

Я кивнула. Странно, в его глазах я не увидела обычного презрения и брезгливости, наоборот, они алчно загорелись.

– Что вы умеете?

– Немного чинить металлические вещи.

– Шлифовать камни?

Я отрицательно махнула головой. Он принялся загибать пальцы.

– Огранка? Резьба? Чеканка?

Моя голова опускалась все ниже. Ювелир тяжело вздохнул.

– Предлагаю вам подучиться, – произнес он. – Приходите через год, я на вас посмотрю.

– Но что мне делать сейчас? – голос предательски дрогнул. Глупо было с нулевыми знаниями надеяться на какую-нибудь приличную работу. – Мне очень нужны деньги.

Видели бы меня сейчас папа или мама. Наследница рода, обласканная фортуной, родившаяся с золотой ложкой во рту, умоляет ювелира из третьесортной мастерской дать ей какую-нибудь работу. Я упрямо вздернула подбородок. Ни мама, ни папа не увидят этого, потому что их нет. А Марта поддержала бы меня. Она всегда говорила, что главное – выжить, а о честолюбии подумаем потом.

– Послушайте мой совет, герра, – в голосе ювелира мелькнуло раздражение. – Через две улицы от меня в сторону порта находится кузнечная мастерская одноногого Кассана. Предлагаю попытать счастья у него. Хоть вы и Крей, но я не готов платить вам деньги лишь за имя.

Кузница находилась в еще более неблагополучном районе. Два раза мне свистели в спину какие-то подозрительные субъекты. Один раз я вовремя отскочила от вылившихся сверху помоев. Но вскоре слышала звон металла, ударяющего о металл, и на душе стало тепло. Чем ближе подходила к кузнице, тем сильнее повышалось настроение, словно одна близость огромного количества металла наполняла меня силой.

Ворота кузницы были распахнуты. Внутри полным ходом шла работа.

Кассан представлял собой колоритную личность. Огром-

ный как дом, с деревянной ногой, с ручищами толщиной в мою талию, с красным потным лицом, он лупил молотом по плоскому листу стали, лежащему на наковальне, выбивая фейерверк искр. Я несколько минут зачарованно наблюдала за действием.

– Заблудилась, деточка? – Кузнец отложил молот и вытер пот мощной ладонью.

– Я ищу работу, – улыбнулась я. Почему-то в этот раз фраза слетела с губ легко и свободно. Мужчина хохотнул, будто мои слова его развеселили.

– И что ты умеешь? – вступил он в игру.

Я смело подошла ближе, взяла толстый прут, стоящий у наковальни, и свернула в бублик.

– Крей?! – восхищенно выдохнул кузнец. Я кивнула. – С ума сойти! У меня в кузнице живая легенда!

Впервые я увидела человека, который бы так открыто и искренне восхищался тому, что я ношу имя Крей. Он словно увидел что-то расчудесное. Глазам стало горячо. Я смущенно опустила голову, распрямила бублик и поставила прут в сторону.

– Девочка, – кузнец вытер руки о какую-то тряпку и подошел ближе, – дай посмотреть на тебя поближе.

Я подняла голову, стараясь сдержать слезы. Его неприкрытое восхищение искренне тронуло меня. Так давно я не слышала добрых слов, давно не видела в чьих-то глазах такого обожания и восторга.

– Я всю жизнь работаю с железом, – произнес он с улыбкой, – для меня имя Крей сродни божественному. Однажды в юности мне посчастливилось увидеть, как твой отец помогал строить ограждение на пирсе. Он гнул металлические листы и прутья голыми руками. Это было самое грандиозное зрелище, которое я когда-либо видел. Половина порта собралась посмотреть на это. Именно тогда я и решил стать кузнецом. Твой отец тогда учился в школе. Как и ты сейчас? – последнюю фразу он произнес вопросительно.

– Да, учусь, – хрипло ответила я и поинтересовалась: – Так вы возьмете меня на работу? Я пока еще немного умею, но буду учиться изо всех сил.

– Конечно возьму! О чем разговор! Для меня честь работать с наследницей Крея.

– И вас не смутит, что мой отец изменник? И нашу семью лишили титула?

– А зачем мне в работе титул? – удивленно заявил кузнец. – У нас в порту нет аристократов. В почете только умения и честность. Что там произошло в Шалире, никто толком не знает.

– Спасибо вам! – Слезы все-таки потекли из глаз. Всклипывая и совсем не по-арийски хлюпая носом, я пыталась вспомнить этикет. – Меня зовут Дениза, а как мне к вам обращаться?

– Ну, ну, не плачь! – Мужчина заметался по кузнице, в итоге достал откуда-то тряпицу более-менее белого цвета.

Протянул мне. Я вытерла слезы и попыталась пошутить:

– Женские слезы всегда срабатывают. Правда?

Мужчина хохотнул и протянул свою ручищу.

– Будешь звать меня папаша Кассан, так меня все кличут.

Я решительно пожала мозолистую ладонь, хотя до этого момента ни разу никого так не приветствовала.

– Ну а теперь покажи, что ты умеешь. Только аккуратно, не измажь свое красивое платье.

Металла в кузнице было много. Раздолье для такой, как я. В школе металлическими были только подсвечники и приборы в столовой. Ну, и так, по мелочи – ключи, защелки, гвозди. Мебель деревянная, стены каменные. Здесь же я чувствовала себя в своей стихии. Починив несколько предметов и превратив в горку железного порошка маленькую ржавую подкову, которую было не жалко, я извиняясь развела руками:

– Пока все, но вы мне скажите, что нужно, я найду заклинание в книге и выучу.

– Хорошо, я подумаю, – ответил Кассан, сразу превратившись в серьезного предприимчивого торговца. – Будешь приходить по выходным, утром. И возьми сменную одежду, здесь бывает очень грязно. Платить буду процент от работы.

Я радостно кивнула. Мы еще немного поговорили, и меня отправили домой.

В школу летела как на крыльях. Удача все-таки балует наследницу Креев! Сначала в трудную минуту подарила Мар-

ту, потом школу, а теперь Кассана.

На обед я не успела, но ничего страшного, голод – самое последнее, что меня волновало. Я приняла душ и переоделась. Снизу, с третьего этажа, доносился смех и звон бокалов. Наверное, вечеринка. Студенты, особенно те, кто приехал издалека и жил постоянно в школе, часто устраивали пирушки. Не арии. Те слишком лелеяли свою гордыню и ни с кем не общались, кроме себе подобных. Вечеринки организовывали богатые детки, типа Фани, которая до сих пор искала жениха. Если я ни с кем не общаюсь, это не значит, что у меня нет ушей и глаз. Я сижу на последнем ряду, все студенты у меня перед глазами.

Через месяц уже было видно, что первокурсники разбились на импровизированные группы. Арии, естественно, держались вместе. Вторая группа состояла из отпрысков богатых торговцев, государственных чиновников и старших чинов военных. Кстати, парень, который первым бросил в меня салфетку, был сыном адмирала военного флота. Тот еще засранец.

Третья группа – те, кому родители оплатили год или два учебы. Почти все – девушки, прибывшие в школу сугубо для поисков жениха. Они были заметны сразу. Фани и еще три ушлые девицы напропалую кокетничали с парнями, не только с первокурсниками, но и со старшими, они же в основном и устраивали вечеринки.

Оставалась последняя группа, состоящая из двух человек

– меня и наследника. Мы всегда были окружены пустотой, изолированы ото всех. Только он сидел за первой партой, а я за последней. Два отщепенца – пария с клеймом дочери изменника и самый знатный ученик в школе, с телохранителями, не оставляющими его ни на секунду.

Не знаю, как для других, но для меня программа первого курса оказалась легче легкого. Такое ощущение, что преподаватели разрабатывали план обучения исходя из того, что мы умеем лишь читать и писать.

Странно, ведь многие приехали сюда в восемнадцать или девятнадцать лет, после домашнего обучения. Мне казалось, что я более подготовлена, чем тот же девятнадцатилетний Гехард, сын адмирала. Он не знал элементарного – что такое координата на плоскости или квадратный корень. Я не говорю уже о том, как вычислить площадь круга. А совсем уж стыдно было не знать, с какими государствами граничит наше королевство и сколько морей омывают его берега.

Учитель географии, словно чувствуя ненависть парня ко мне, постоянно стравливал нас на уроках. Если Гехард не мог ответить на вопрос по практике, показать на карте реку или горный массив, следующей всегда вызывали меня. Я легко отвечала на вопросы, а сынок адмирала поедал меня ненавидящим взглядом.

Мое нежелание ходить в столовую с большинством студентов сыграло со мной в итоге скверную шутку. Гехард выследил меня. И когда я с полным подносом шла к столику, он

вытянул ногу на проходе. Не упала я чудом. Поднос наклонился, каша и чай залили приборы, хлеб и частично попали на платье. Я поставила испорченный поднос на ближайший столик и обернулась к нагло улыбающемуся парню.

– Что я тебе сделала? – произнесла устало, глядя на молодое симпатичное лицо. – Почему ты так поступаешь?

Развалившись на стуле, он пожал плечами.

– Не знаю, – ответил насмешливо, – наверное, потому что могу. Потому что мне нравится.

Я в замешательстве смотрела на Гехарда. «Потому что могу?» И это объяснение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.